

МИСС РОБИН ГУД

МАРИНА
СЕРОВА

Сказки
для взрослых

Марина С. Серова
Сказки для взрослых
Серия «Мисс Робин Гуд»

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=278982
Сказки для взрослых: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-39657-3*

Аннотация

Модельный бизнес на первый взгляд красив и безопасен. Конкурсы, забота о фигуре, прелести подиумной жизни... Но не все так светло и безоблачно, как кажется. Недавно одну из юных моделей из агентства «Афродита» нашли убитой в лесу. И ползет, ползет по городу слухок, что не все прекрасно в агентстве... А хозяйки его – какие-то подозрительные и весьма вульгарные дамы... Полина Казакова, известная в городе как мисс Робин Гуд, знакомится с матерью жертвы и берется за новое расследование. Убийцы девочки должны быть наказаны, а справедливость должна восторжествовать. Во что бы то ни стало!..

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	25
Глава 3	48
Глава 4	73
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Марина Серова

Сказки для взрослых

Глава 1

Каждый год, когда приближался этот день, мы с Аришей готовились к нему, словно в первый раз. Наверное, эта боль еще долго будет беречь наши сердца, хотя, конечно, постепенно она становится немного слабее. Но все равно, до конца не проходит. Дело в том, что, когда мне было четырнадцать лет, мои родители погибли в автомобильной катастрофе у меня на глазах. Виновником их гибели был главный прокурор нашего города, хотя за рулем сидел его водитель, который не был пьян, просто лихачил с подачи нетрезвого прокурора (тот возвращался из сауны с проституткой). Так как свидетелей происшедшего, кроме меня, не было, во всем обвинили моих погибших родителей. Используя свое высокое служебное положение, Синдяков просто-напросто замял это дело. Точнее, замял не просто. Моих родителей сделали виновниками автокатастрофы, и моему деду пришлось еще и выплатить прокурору ущерб за помятую машину. Мне хорошо запомнилось вероломное поведение Синдякова, который подло запугал меня, четырнадцатилетнюю девчонку, пытавшуюся донести до всех правду. Дед, знавший жизнь, тогда

убедил меня молчать. Но, когда я стала достаточно взрослой, я нашла способ отомстить прокурору-убийце, причем так виртуозно, что никто и не подумал, что я имею к этому отношение.

Но все равно, каждый год, когда приближался этот день – дата гибели моих родителей, – мы с дедом как будто переживали все заново. Рано утром мы ехали на кладбище, клали цветы на могилу, убирали ее, приводили в порядок ограду и памятник – один на двоих, где мои мама и папа были изображены вместе. Так они жили, так погибли. И похоронены тоже так – рядом.

Потом мы приезжали с дедом домой, садились за стол помянуть родителей, я играла на саксофоне что-нибудь грустное, а дед Ариша сидел в кресле и молча слушал мои мелодии.

Но в этот раз накануне трагической даты деду вдруг стало плохо с сердцем. Я увидела, как он положил себе что-то в рот и прилег на диван. Я подошла к нему и села у него в ногах.

– Дед, тебе что, плохо? – осторожно спросила я.

– Что? Ты о чем? – Мой прародитель сделал наивное лицо и посмотрел на меня удивленно.

– Что ты положил в рот, валидол?

– Нет, я ириску сосу.

– Ой, дедуля! Ты, конечно, притворяешься мастерски, но и я не вчера родилась. Перед кем ты героя строишь? Давай,

колись: с сердцем плохо? Может, «Скорую» вызвать?

– Зачем? У меня все хорошо, я просто полежу немного, отдохну...

– Отчего это, интересно, ты устал? Весь день дома сидел.

– Я в магазин за продуктами ходил.

– В магазин ты вчера ходил.

– Да?! Надо же! Наверное, так и начинается склероз...

– Не расстраивайся, дед. Склероз – интересная болезнь: каждый день узнаешь столько нового!

– Что ты, Полетт, я и не думаю расстраиваться. Я тут на днях заглянул к знакомому врачу и спрашиваю его: скажите, мол, а каковы признаки надвигающегося склероза? А он говорит: «Вы меня вчера об этом спрашивали». Да, вот так-то!

– Дед, ты мне зубы-то не заговаривай. Ну, хоть валокор-дина тебе накапать?

– Тогда уж лучше коньячку. Граммов сто...

Дед, конечно, не любил, когда я становилась свидетельницей его недомоганий. Он делал вид, что просто устал и на пару минут прилег полежать, ссылаясь на шалости погоды, магнитные бури и все такое. Но я всегда внимательно следила за его состоянием, как-никак, дедуле-то моему уже почти семьдесят! Да и трагедия, которую он пережил четырнадцать лет тому назад, конечно, не прошла для него бесследно. Время от времени у деда прихватывало сердце, и он украдкой клал в рот таблетку валидола и опускался в кресло или на диван. И очень огорчался, если я замечала его «усталость».

Коньяку деду я, естественно, не налила, но решила просто посидеть с ним.

– Знаешь, Ариша, я, наверно, завтра одна поеду на кладбище.

Дед посмотрел на меня грустными глазами:

– Может, меня до завтра отпустит...

– Конечно, отпустит, но ты все равно лучше отлежись. А к маме с папой мы с тобой как-нибудь потом съездим. Вместе. И цветы им положим... А уж завтра я одна... Ладно?

Ариша собрался было поспорить со мной, но я быстро встала и пошла вниз, в кухню, чтобы приготовить ему чай. Когда я снова поднялась в гостиную, где лежал дед, оказалось, что он уже спит. Он мирно посапывал, задрав кверху бородку, и я не стала его будить, только накрыла клетчатым пледом. Потом я унесла поднос с чаем в кухню, выпила чай одна и отправилась совершать вечерний туалет. Надо лечь сегодня пораньше, так как завтра мне вставать чуть свет. Ничего не попишешь, придется ехать на кладбище одной, Аришу я утром будить не стану, если только сам не проснется.

* * *

Я приехала на кладбище очень рано, народу здесь не было совсем. Я поставила мой «Мини Купер» у ворот, где на старом ящике сидела одна-единственная бабушка с букетом цветов. Я купила у нее весь букет, хотя она собиралась про-

давать их поштучно. Бабушка очень обрадовалась, сказала мне: «Спасибо тебе, дочка, выручила», – и стала собираться, не забыв припрятать сломанный ящик в кустах. Я прошла по основной дороге до трех старых лип, после чего мне следовало свернуть направо, на тропинку. Со всех сторон возвышались кресты, памятники, высокие оградки. Зеленели кусты сирени и акации. А вот и три старые липы. Под ними стоял деревянный стол, с обеих сторон – скамейки. Здесь родственники усопших иногда устраивали поминки. Вот и сейчас на столе стояла недопитая бутылка водки, одноразовые стаканчики, лежали хлеб и конфеты. Видно, вчера кто-то отметился. Я свернула на тропинку, ведущую между оградок к могиле моих родителей.

Поставив цветы в банку с водой и убрав старый засохший букет, я некоторое время постояла у ограды. Родители смотрели на меня с черного гранита, лица их были радостными. Они были хорошими людьми, добрыми, любили друг друга, любили меня, свою единственную дочь. Если бы не пьяный прокурор, обожавший гонять по ночным улицам на бешеной скорости... Если бы... Если...

К машине я возвращалась другой дорогой, через новые могилы. На некоторых еще не было памятников, оград – только холмики и венки.

Вдруг до моих ушей донеслось:

– Доченька, ты не волнуйся, папа поправится, я его подниму. Я каждый день у него бываю... Доченька, а я Лиду

Маслову видела, подружку твою... Она сказала, что скоро сама к тебе приедет. Ты уж встретить ее здесь... Лида так переживает...

Я посмотрела в ту сторону, откуда доносился голос, и увидела женщину лет сорока с небольшим. Она убирала могилу, на которой стояли уже и ограда, и памятник. Вся земля за оградой была в цветах. Венки, живые букеты – много-много цветов. Под памятником, среди цветов, сидел маленький розовый медвежонок с белым бантом на шее. На сером мраморе – овальная фотография, с которой смотрела молоденькая девушка, совсем еще девочка, лет пятнадцати. Она была очень красивой, ее длинные белокурые волосы рассыпались по ее плечам. Девочка улыбалась, чуть наклонив головку, взгляд ее был доверчивым и нежным. «Карпова Ада Львовна», прочитала я имя, высеченное на плите. Судя по датам, ей едва исполнилось шестнадцать. У меня защемило сердце. Что могло случиться с такой малышкой, только что ступившей в жизнь? Несчастный случай, как с моими родителями? Или тяжелая неизлечимая болезнь?

Женщина бережно протерла тряпочкой памятник, хотя что там было протирать – все просто сверкало чистотой. Вдруг она заметила меня и посмотрела в мою сторону, устало и обреченно.

– Здравствуйте, – неожиданно для себя сказала я.

– Здравствуйте... – Женщина положила тряпочку в целлофановый пакет, пакет – в сумку. Погладила рукой фото-

графию девочки и вышла из-за ограды через маленькую калитку.

Она направилась в сторону дороги, мне было туда же, так что мы оказались рядом.

– У вас здесь кто? – спросила женщина.

– Мама и папа.

Только сейчас я рассмотрела ее. Да, ей было уже за сорок. Невысокая, в меру полновата, в темно-сером платье, в черной косынке, повязанной в виде ободка. Волосы такие же, как у девочки на фото, только на висках – ранняя седина. Глаза голубые, потухшие, кончики губ опущены.

– Что с ними случилось? – спросила она.

Я коротко рассказала. Как папа поздно вечером хотел поставить машину в гараж, как мама напросилась поехать с ним, а я вышла их проводить. Как промчавшаяся черной стрелой машина прокурора врезалась в них, отбросила к столбу, как загорелась машина родителей...

– А вы все это видели?! – ужаснулась она.

– Да.

– Сколько же вам тогда было?

– Четырнадцать.

– Господи! Ужас какой! Его посадили?

– Нет. Он обвинил во всем моего папу, мы с дедом еще и денег ему заплатили за помятую машину.

– Похоже, нет на земле правды, – вздохнула женщина.

Мы дошли до ворот, за которыми стоял мой «Мини Ку-

пер». Я остановилась.

– А у меня здесь дочка. Адочка. В честь бабушки ее так называли, моей бабушки. Она как раз перед рождением Адочки умерла, так правнучку свою и не увидела. Но жила она хорошо, счастливо. Вот мы и решили дочку так назвать, чтобы она тоже счастливой была...

Женщина отвернулась и заплакала. У меня защемило сердце. Но спросить, что случилось, я не решалась, предчувствуя, что история будет не из приятных. Женщина поплакала несколько минут, потом тщательно вытерла глаза платочком и спросила:

– Вы ведь тоже маршрутку будете ждать?

– Нет, я на машине. – Я показала на свой «Мини Купер», стоявший в тени под деревом.

– А-а... Тогда поезжайте. – Женщина вздохнула и отвернулась, посмотрела на дорогу, откуда должна была появиться пассажирская «Газель».

– Знаете что, давайте, я вас в город отвезу, – предложила я, – а то сколько вы тут еще простои́те!

Я распахнула дверку моей машины со стороны пассажирского сиденья. Женщина нерешительно пожалала плечами:

– Нет, я не могу... Мне вам заплатить нечем...

– Да вы что?! Какая плата? Садитесь. Какая мне разница – одной ехать или вдвоем? Вы где живете?

Женщина назвала улицу.

– Ну, я не совсем рядом с вами, но все же ближе, чем за

городом. Вам ведь так и так пересадку делать, так что садитесь, сокращу вам дорогу.

Женщина поблагодарила меня и села. Мы поехали в город.

– Меня Полиной зовут, – представилась я.

– Нина, – сказала женщина.

– А отчество?

– Васильевна. Хотя не привыкла я к отчеству, да и рано меня так величать, мне ведь еще только тридцать семь.

Я покосилась на попутчицу. Да, я-то думала, что ей уже за сорок, а она совсем еще молодая женщина, старше меня всего на девять лет. Я своих знакомых с такой возрастной разницей зову просто по имени и на «ты».

Словно угадав мои мысли, Нина Васильевна спросила:

– Что, не ожидали? Выгляжу старше? Да, я знаю, это горе меня подкосило. Еще совсем недавно мне и тридцати пяти не давали. Я ведь хорошо с мужем живу, расстраиваться мне особо не из-за чего. Он у меня не пьет, зарплату всю отдает, добрый... Дочка вот подрастала... Думала, так и доживу до внуков и буду счастливой бабушкой... А тут в прошлом году открылось это проклятое модельное агентство, черт бы его побрал вместе с его хозяйками! Все девчонки как с ума посходили. Наша Адочка прибежала домой сама не своя. «Мама, – кричит, – все девчонки в модельное агентство записываются! Можно и мне?» Мы с отцом прямо дара речи лишились. Какое агентство?! Это где полуголые девицы по пьеде-

сталу ходят, а весь зал на них глазеет?! Адочка говорит, мол, не по пьедесталу, а по подиуму. А то, что все смотрят, так ведь и в цирке на акробатов смотрят... Мы с отцом ее не пускали. Мы простые рабочие, отец – мастер на заводе, я – продавщица в промтоварном магазине. Мы свои деньги всегда честно зарабатывали, руками да головой. А это... даже не знаю, как и назвать... Это же свое тело на всеобщий показ выставять! Все равно что собой торговать. В общем, мы ругались, но Ада настаивала на своем. Убеждала нас, что мы отстали от жизни, что модели сейчас зарабатывают столько же, сколько спортсмены-чемпионы, что она свой шанс упускать не хочет из-за нас... Да еще, говорила она, неизвестно, возьмут ли меня туда, там отбор очень строгий.

Женщина тяжело вздохнула, покачала головой.

– В конце концов она вас убедила? – спросила я.

– Да не то что убедила... Просто заявила, что если мы против, то она уйдет от нас, бросит школу, будет самостоятельной и все равно запишется в это агентство. Мы испугались, что потеряем дочь, что она отдалится от нас. И согласились. Лишь бы Адочка при нас осталась... А она, как только туда записалась, стала меняться просто на глазах!..

– А разве вы не подписывали договор с агентством? Насколько я знаю, если девочки несовершеннолетние, договор заключается с их родителями, или же родители дают письменное согласие на работу дочери в таком агентстве.

– Да, конечно. Мы подписали какую-то бумагу, что, мол,

мы не против... Но она нас просто вынудила.

– Фактически она вас шантажировала, – сказала я.

– Что? – не расслышала Нина.

– Я говорю, что ее поведение смахивает на шантаж. Ваша дочь просто вынуждала вас подписать соглашение.

– Да мы и сами удивились! Раньше она такой не была. Она бы не додумалась так заявить, скорее всего ее кто-то научил...

– И я даже догадываюсь кто.

– Вот я и говорю, Адочка стала какой-то другой... Занятия в этом агентстве были три раза в неделю. Понедельник, среда, пятница, вечером, с пяти до восьми. Она прибежала такая возбужденная, рассказывала, как их учат ходить, ведь даже двигаться и сидеть надо как-то там по-особому, не просто – ноги вместе, а чтобы пятка одной ноги была перед носком другой, а коленки – вместе и чуть в сторону. Ада дома перед зеркалом все так сидела и ходила по комнате, как цапля, неестественно, чудно. А она говорила, что мы ничего не понимаем, что именно так и надо. Потом она потребовала больших денег за... не помню, как это называется, похоже на слово «портфель»...

– Портфолио, – подсказала я.

– Вот, вот. – Нина опять вздохнула. – Я-то думала, что это... не знаю, какой-нибудь наряд дорогой или украшение, раз таких деньжищ стоит, а оказалось, это альбом с фотографиями нашей дурочки, где она в разных позах сидит и стоит.

Я как альбом увидела, чуть в обморок не упала! Она почти везде в купальнике, а на двух фотографиях – вообще безо всего! Правда, сидит она на полу, и так, что ничего не видно, коленками и руками прикрылась, но все равно, ее кто-то так видел, раз фотографировал! А она говорит, что фотограф – молодая женщина и вообще там только чисто женский коллектив. Я спрашиваю – а зачем такие-то фотки, в этом непристойном виде? А она: это, мол, для отбора, кто более фотогеничен. В общем, на каждый наш вопрос у нее ответ был: все, мол, хорошо, нас учат макияжем пользоваться, и ходить, и все такое... А когда конкурс будет, победительница поедет в Париж работать.

– А сколько вы за портфолио отдали? – спросила я.

– Стыдно сказать – пятнадцать тысяч! Это за альбом с двадцатью фотографиями! А еще мы каждый месяц две тысячи вносили за то, что их учат ходить, вихляя бедрами. Ну не дурдом ли?! Вот и посчитайте: тридцать девочек. По две тысячи каждый месяц – это же какие деньги! Правда, после какого-то просмотра несколько девочек отсеялись. Но все равно, их больше двадцати осталось. Сколько у нас расходов было с этим агентством! Кроме ежемесячных двух тысяч, то на купальник ей три тысячи дай, то на туфли какие-то там особенные – три с половиной, то тысячу на косметику... Это же ужас! Мы с отцом просто взвыли. А Адочка говорит – не волнуйтесь, мол, нам сказали, что скоро мы будем зарабатывать, причем такие деньги, которые вам с папой и не снились! По-

терпите еще месяц-другой... Мы и терпели... А когда конкурс какой-то приближаться стал, Ада уже по пять дней в неделю там пропадала. И занятия были уже не до восьми, а до девяти. Домой она в половине десятого приходила. Уж как мы переживали! И, оказалось, не зря!

Нина всхлипнула, промокнула глаза платочком. Я не могла смотреть на нее, так как все мое внимание было обращено на дорогу, но боковым зрением видела, как она мотает головой, вытирает щеки. С минуту она молчала, как бы собираясь с силами, потом прерывисто вздохнула и продолжила:

– Однажды Ада пришла домой такая расстроенная! Ужинать не захотела, да она почти никогда и не ела по вечерам после того, как записалась в это чертово агентство. Все фигуру берегла! А тут и чаю не выпила. Закрылась в своей комнате и сидит. Я торкаюсь к ней, говорю, открой, дочка, поговорить надо... Она: «Потом, я устала». Я спрашиваю: может, случилось у тебя что-то? Она: «Нет, я просто устала». В общем, так и не впустила она меня. Дня три так ходила. Не ест, не разговаривает, как в воду ее опустили. На все наши вопросы – один ответ: «Устала». Тут отец не выдержал, говорит: «Все, хватит, не пойдешь больше в свое агентство, раз там так вас выматывают!» А Адочка вдруг и говорит: «Мам, пап, мне предлагают за границу поехать на две недели». Мы с отцом в один голос: зачем? Она: «На курсы». Мы: какие курсы? Здесь разве тебя плохо учат? А она: «Там за граница, там преподаватели другой категории». Мы ей: у нас, мол,

денег нет на твою поездку. Она говорит, что денег не надо, все за счет агентства. Оказалось, что ей уже и загранпаспорт заказали, а нас даже в известность не поставили! Мы на другой день поехали с отцом в это агентство, оно, кстати, называется «Афродита». Там нашли преподавательницу ихнюю, Эвелиной Венедиктовной ее зовут. Так вот, Эвелина эта нам сказала – хорошо, мол, что вы зашли. Мы вашу дочь хотим послать на курсы в Турцию. Это за счет агентства. Обучение, конечно, стоит очень дорого, но, поскольку там она будет участвовать в какой-то фотосессии, а за это платят уже самим девочкам, Ада еще и денег немного привезет, и поездку свою почти окупит. В общем, наговорили нам с три короба и убедили, что бесплатно съездить за границу – такой шанс выпадает раз в жизни, и то не всем, и не воспользоваться им – большая глупость.

Короче, убедили они нас. Поехала Ада... Через две недели она вернулась, но такая невеселая! Мы-то думали, вот, девочка другую страну посмотрит, впечатления будут у нее новые, и все такое... А она ходит сама не своя. Правда, денег она немного привезла, четыре тысячи.

Между тем мы уже въехали в город, и я повела машину на улицу Оленина, где жили Нина. Это было не совсем в центре, но и не на окраине. Хороший район, трех-четырёхэтажные «сталинки», скверики, множество маленьких магазинчиков. Казалось, моя пассажирка не замечала, что я везу ее в ее район, и продолжала:

– Приближался конкурс этот... Ада сказала, что он будет проходить под лозунгом: «Красота спасет мир». Победительница, по словам Эвелины Венедиктовны, заключит договор на пять миллионов евро с каким-то французским журналом мод. Девочки в агентстве все словно посходили с ума: работать в Париже, да еще за такие деньги! А, вот, я еще не сказала, что в это агентство вместе с нашей Адой записалась ее подружка, Лида Маслова. Они буквально с первого класса дружили. Как первого сентября их учительница посадила вместе, так они и сидели все девять лет. И после школы Лида к нам приходила, и наша дочка к подружке своей без конца бегала. Мы, в общем-то, потому и согласились Аду в эту «Афродиту» записать, что узнали, что и Лидуня туда пошла...

Ой, о чем это я? А, да... конкурс... Конкурс прошел, победила какая-то девочка Юля. Больше она на занятиях не появлялась, Ада сказала, что она в Париж уехала. А тут как раз лето началось, Ада сдала экзамены, перешла в десятый класс. Я и говорю – ну, не победила ты на конкурсе, может, бросишь теперь ходить в свою «Афродиту»? А она: «Нет, мама, не брошу. Эвелина Венедиктовна говорит, что у меня очень хорошие данные, большая доля вероятности, что в следующем конкурсе я могу победить. Буду готовиться к следующему. Я все равно в Париж поеду работать! Или куда-нибудь за границу». Так я ее и не отговорила...

Нина замолчала, и некоторое время мы ехали молча. На-

конец я решилась спросить:

– А что же все-таки случилось с вашей дочерью?

– Однажды она не вернулась домой после занятий. Она и до этого несколько раз задерживалась допоздна, но хоть ночевать приходила. А тут вдруг не пришла совсем. Время – под утро, я звоню Адочке на сотовый – она трубку не берет. Звоню в милицию. Мне говорят, рано, мол, шум поднимаете, придет она... Хм, «придет»!.. Не пришла... Ее два дня искали. Я Лидочке звоню – она говорит, не знаю, мол, тетя Нина, Ада раньше меня из агентства ушла, я задержалась с другой девочкой, а когда вышла на крыльцо – ее уже не было. Так вот, искали ее два дня, а нашли на третий... В лесу, за дачным поселком «Грибники». Конечно, уже мертвой! Изнасилована, задушена, присыпана землей... Дед один пошел по грибы со своей собакой, та ее и отрыла...

Нина закрыла лицо руками. Я посмотрела на нее. Она беззвучно плакала, в очередной раз переживая свое горе. Да, мое-то приутихло за четырнадцать лет, а вот ее – совсем свежее.

Через пару минут она оторвала руки от лица. Глаза ее были красными, щеки – мокрыми.

– Нашли убийцу? – спросила я. Меня так тронула эта история, что я почувствовала, как к горлу подкатил ком. Я представила, как шестнадцатилетняя девчонка, школьница, такая симпатичная и милая, лежала в земле, изнасилованная, задушенная... Жуть!

Нина не сразу ответила на мой вопрос. Она горько усмехнулась, пожала плечами:

– Даже не знаю, как сказать... Вроде нашли, только...

– Вы сомневаетесь, что это настоящий убийца?

– Да.

– Почему? Что не так?

– Видите ли, Полина, мы с мужем пошли заявлять в милицию о пропаже дочери. У нас сначала заявление брать не хотели, вроде бы надо, чтобы три дня прошло. Но мы настояли. Ада – девочка домашняя, кроме школы и агентства этого, она нигде не бывала. Ни в ночных клубах, ни на дискотеках. Когда она пропала, я сразу почувствовала, что случилась беда. Сердце у меня так заныло... А ее один день нет, второй... Потом нас вызвали в морг, на опознание. Господи! Да у какого же изверга поднялась рука на нашу девочку?! Она же еще совсем ребенок! Мы пошли к следователю, а он говорит, что, мол, убийца уже найден, это местный бомж, Колясик, проживающий в дачном поселке. Это он изнасиловал, а потом и задушил нашу дочь. Дело, мол, закрыто. Но, честно говоря, мы не поверили.

– Почему? – спросила я, хотя сама бы тоже не поверила такой версии.

– Нам этого Колясика показали. Грязный, оборванный, лохматый, говорят, что он вечно пьян... Где наша дочь могла бы его подцепить? Да и потом, дачный поселок далеко за городом. Как Ада туда попала? Почему она после занятий в

агентстве не поехала домой? Она прекрасно знала, что мы будем волноваться, что я не усну, пока она не вернется. Не в ее это характере – не прийти ночевать! Мы с мужем пошли по инстанциям, но везде слышали отказ. Мол, Колясик сам сознался в убийстве, чего же вам еще? Скоро суд, так что готовьтесь... Но мой муж, Лев Львович, был убежден, что все это лажа! Он пошел в агентство, хотел выяснить, не знают ли там что-нибудь насчет нашей девочки. Он говорил, что это заведение ему давно не нравится, у него возникли какие-то подозрения... Что там случилось, я не знаю, но говорят, что он устроил скандал в «Афродите». Но что самое ужасное, домой Лев уже не вернулся! В тот же день его нашли избитым до полусмерти в какой-то подворотне. Он сейчас лежит в больнице в тяжелом состоянии. У него тяжелейшее сотрясение головного мозга, отбиты внутренности, перелом нескольких ребер, сломаны челюсть и нос...

Нина опять заплакала. Да, ее можно понять. Только что похоронить единственную дочь, а тут еще такое с мужем... Чтобы как-то ее отвлечь, я спросила:

– Нина Васильевна, скажите, вы сейчас работаете?

– Да. Сколько же можно сидеть в отпуске за свой счет! Вот я ирываюсь между работой, больницей и кладбищем. Да еще, как назло, моя свекровь, узнав о тяжелом состоянии сына, попала в больницу с инсультом. Теперь у меня двое тяжелобольных на руках. Хорошо хоть, они в одной больнице лежат, перейти из одного отделения в другое легче, чем

ехать в транспорте в другую больницу.

Да уж, очень хорошо! Лучше и не придумаешь. В это время мы приехали на улицу, где жила Нина, и я спросила, какой номер дома ей нужен.

– Двенадцатый, – сказала она тихо, – только домой мне вовсе не хочется. Там так пусто! Доченьки моей больше нет, Лев в больнице, врачи говорят, что выпишут его нескоро. Ему еще операция предстоит. Так что месяца полтора я проведу одна в пустых стенах. Эта тишина меня убивает! Не привыкла я к ней. Адочка все свое детство была такая шумная, веселая! Ее смех постоянно звучал в доме. А теперь...

Я остановила машину у двенадцатого дома. Это была четырехэтажная «сталинка» розового цвета. Маленькие балкончики, высокие окна и деревянные лавочки возле массивных дверей в подъездах. Не знаю, заметила ли Нина, что я остановилась, она продолжала говорить:

– Я только хочу, чтобы нашли настоящего убийцу моей дочери! Нашли и посадили! Почему этот бомж сознался в таком ужасном преступлении, не знаю, но это не он, я чувствую... У него было такое испуганное лицо! Да и выглядел он каким-то хилым. Мне кажется, Ада справилась бы с ним. И еще: я написала заявление по факту избиения моего мужа, но в милиции сказали, что, очевидно, это наркоманы, а их, мол, искать бесполезно. Но я знаю, что мужа избили не наркоманы.

– Почему? – спросила я.

– Во-первых, врач сказал, что били его долго. Ударов много, не один, не два, даже не десять. Зачем наркоманам так долго избивать кого-то? Вон у нас в прошлом году сосед по подъезду какой-то наркоман ударил по голове, оглушил, вырвал борсетку из его рук и убежал. Ведь всего один раз ударил! А моего мужа били долго, и, похоже, не один человек. И ничего не взяли. Часы, кошелек, сотовый – все при нем оставалось, когда его в больницу привезли. Ну и что? Скажете, это наркоманы?

– Да, похоже, что не они, – согласилась я.

– Вот! А милиция, по-моему, просто искать никого не хочет. Я их понимаю, у них работа – не сахар, но раз уж они пошли туда работать, то и должны свое дело делать. Их ведь туда под дулом пистолета не гнали! – Нина опять вздохнула, посмотрела в окно и удивилась: – Ой, да мы приехали! Спасибо вам огромное! Спасибо, что выслушали меня и еще подвезли. Извините, что я так задержала вас...

– Да ну, что вы! Нина Васильевна, а где это агентство находится?

– На улице Мирной, около кафе «Элегия».

– И еще, скажите, кто ведет дело о гибели вашей дочери?

– Следователь Почечуйкин. А зачем вам все это?

– Да так... Интересно. Буду знать, если мне придется с ним столкнуться, что он из себя представляет.

Нина вышла из машины:

– Поверьте, с ним лучше не сталкиваться... Еще раз спа-

сибо. Извините, что нагрозила вас своими проблемами. Все-
го вам доброго!

– И вам. Держитесь, Нина Васильевна!

Я развернулась и поехала домой.

Глава 2

Всю дорогу я только и думала о своей новой знакомой. Не могла не думать. Это же надо, страсти какие! Я как-то слышала краем уха, что в лесу нашли убитую девушку, но и только. Никаких подробностей этого дела я не знала. А тут вдруг неожиданно-негаданно я познакомилась с матерью погибшей. Да, серьезные дела творятся в нашем городишке! И о модельном агентстве я тоже слышала краем уха, что открылось оно несколько месяцев тому назад, что малолетние дурочки сбежались туда, как кошки на валерьянку... А больше, пожалуй, ничего.

Я приехала в свой коттеджный поселок. Надо сказать, что здесь у нас с дедом прекрасный дом, большой, просторный, красивый, с камином в одной из гостиных и с русской печкой в кухне. Всего гостиных в доме три: в стиле кантри, рококо и хай-тек. Я очень люблю посидеть с книжкой перед камином, послушать, как мой прародитель что-нибудь рассказывает из своего легендарного прошлого. Мой дед, Аристарх Владиленич, Ариша, как я его зову, – просто потрясающий дед! Несмотря на все его недостатки, я его нежно люблю, и, надо сказать, он тоже отвечает мне взаимностью. Да нам обоим и любить, в общем-то, больше некого. У деда есть я, а у меня – дед. Это наша семья. Когда погибли мои родители, Ариша взял заботу обо мне на себя. Он оплачивал мою уче-

бу в элитной школе с углубленным изучением иностранных языков. Потом я поступила в вуз, только что открывшийся в городе, причем на самый престижный факультет.

После института я какое-то время работала на кирпичном заводе «Красный Октябрь» юрисконсультom, пока не поняла, что сидеть каждый день с восьми до пяти в четырех стенах и делать одну и ту же монотонную работу, подчиняться начальству и выполнять его требования – все это не для меня. Проблем с деньгами у нас, в общем-то, не было. Когда четырнадцать лет тому назад мы продали квартиру, мы расплатились с убийцей. Оставшуюся сумму и прочие, весьма немалые семейные накопления дед дальновидно вложил в акции одной из самых прибыльных российских компаний. В то время этот поступок казался всем опрометчивым, сейчас же это приносило нам неплохие дивиденды, я могла даже позволить себе не работать, но надо же было чем-то заниматься! Если бы не работа, я так и не вылезала бы из кресла у камина. Мой дед по вечерам пропадал в казино. Надо сказать, что он – заядлый и виртуозный карточный игрок, интриган и ворчун. Наверное, отчасти я пошла в него, потому что по своей натуре я тоже люблю интриги, вот только я не ворчу, а картам предпочитаю игру на саксофоне.

Итак, я поставила мою машину возле дома и вошла в прихожую. Еще отсюда я почувствовала доносившиеся из кухни ароматные запахи. Неужели Ариша сам приготовил что-то съедобное? Позавчера он сходил в магазин и закупил про-

дукты. Но, кажется, это все, на что Ариша был способен. Готовить он особенно не любил, разве что когда совсем уж припрет. Зачастую дед просто брал в магазине курицу-гриль или другие готовые продукты. Вот и сейчас, похоже, он не изменил себе. Я увидела на столе именно то, что и ожидала.

– Полетт, ты приехала! – Дед обрадовался так, словно мы не виделись целую вечность.

– Дед, как ты? Сердце нормально?

– Да, все хорошо. Отоспался, встал и – как огурец!

– Ой, дедуля, бросал бы ты свои игры в казино по ночам. В твоём возрасте...

– Полетт, о моих годах – ни слова! Для мужчины возраст не имеет значения.

– Можно подумать, для женщины он имеет значение!

– Для женщины как раз имеет. С годами она должна больше уделять внимания своему здоровью, и особенно – внешности, – назидательно сказал дед.

– Ну, Ариша, ты – хитрец!

– Давай, Полетт, мой руки, и – за стол! Там поговорим, а то все остывает.

Последние годы мы с Аришей за поминальным столом сидели вдвоем. Вспоминали родителей, как они любили друг друга и как все мы были дружны. В той трехкомнатной квартире, где мы жили раньше, у них не было своей отдельной комнаты, они спали в гостиной. Когда наш загородный дом был практически готов и мы уже собирались переезжать в

него, родители очень ждали этого и радовались, как дети: наконец-то у них будет своя, отдельная комната! Мама и папа все свободное время проводили в отделке коттеджа, так торопились они привести его в порядок. Вообще-то дом уже был полностью пригоден для житья, отделан, мебель заказана, коммуникации проведены. Оставались формальности с продажей квартиры, и можно было перебираться окончательно. Но пожить в своем долгожданном доме им так и не удалось...

Говорить о смерти родителей мне сегодня не хотелось. После поминального завтрака мы с Аришей поднялись в гостиную в стиле кантри, я принесла из своей комнаты саксофон и сыграла кантилену Берлиоза. Дед слушал меня, сидя в кресле из ротанга.

– Как ты съездила к родителям? – спросил дед, когда я окончила игру.

– Все нормально. Цветы положила. Могилу убрала.

– Что-то ты немногословна, Полетт. Расстроилась?

– Да так... немного.

Дед хотел спросить меня еще о чем-то, но в это время зазвонил телефон. Я взяла трубку. Звонила моя подруга Алина. У нее был такой голос, что можно было подумать, это у нее сегодня поминки по родителям.

– Полечка, ты знаешь, у меня неприятности, – заскулила она в трубку.

– Какие? – спросила я с плохо скрываемым недоволь-

СТВОМ.

Успокаивать сейчас Алину мне хотелось меньше всего. Вообще-то моя подруга – девица взбалмошная, но верная и преданная. Мы дружили уже много лет. Время от времени она умудрялась «заныривать» в какие-то нелепые истории, из которых выплывала с некоторыми потерями. Иногда материальными, иногда – моральными.

– Поль, можно, я к тебе сейчас приеду?

– Что-то случилось?

– Случилось. Но об этом я лучше расскажу при личной встрече.

Ну что с ней делать! Отказать Алине невозможно. Если я не соглашусь встретиться с ней сейчас, она примется напрягать меня снова и снова. Да и потом, когда у меня бывают какие-то проблемы, она тоже помогает мне. Например, может дать хороший совет. Или поддержать меня морально.

– Хорошо, приезжай.

– Я сейчас... Я скоро...

В трубке послышались гудки.

– Кто звонил? – спросил дедуля.

– Аalinka.

– У нее что-то случилось?

– У нее всегда что-то происходит. Это ее нормальное состояние. Она скоро приедет.

– Тогда, с твоего позволения, я схожу к одному знакомому... – Дед встал с кресла.

– Какому знакомому?

– Да так, ты его не знаешь... – сказал дед уклончиво.

– Ариша, не темни. Скажи лучше честно, ты пропустил вчера в казино игру и сейчас хочешь узнать, кто вчера выиграл, а кто продулся в... Как это у вас называется? Пух и прах?

– Ну, ма шер, ты меня просто вгоняешь в краску!

– Да ладно, дедуля. Иди к своему знакомому. А я, так и быть, уберусь на кухне.

Деда, похоже, это очень обрадовало, он отправился в свою комнату, готовиться к визиту, а я пошла в кухню, загрузила посуду в посудомоечную машину, убрала все со столов, и вообще, навела везде шик и блеск. Все равно мне надо было как-то скоротать время до приезда Алины.

Вскоре она позвонила в дверь. Едва я ее открыла, как подруга ввалилась в прихожую и едва не рухнула на меня.

– Она умерла! – сказала Алина самым трагичным голосом, на который только была способна.

Как?! Еще кто-то умер?! Я почувствовала, что мне становится как-то не по себе. Я взяла Алину под руку и провела ее в гостиную в стиле хай-тек. Я была уверена, что здесь ей станет лучше.

– Кто умер? – спросила я, когда Алина, как мне показалось, уже была способна говорить.

– Моя любовь! – воскликнула она в жанре трагикомедии.

– А-а... Скорблю вместе с тобой.

Я пошла в кухню, чтобы поставить чайник. Надо было напоить Алину крепким чаем, тогда она окончательно придет в себя.

– Ты куда? – испугалась она.

– На кухню. Подкрепиться не хочешь, например, чайку попить?

– Мне сейчас не до чая... И вообще, мне кусок в горло не лезет. У меня, можно сказать, личная трагедия!..

Спустя пять минут мы сидели в кухне и пили чай.

– Я думала, он... А оказалось, он... Поэтому я его и бросила! – выдала Алина историю своей несчастной любви.

– И сколько это у вас продолжалось? – Я достала из холодильника пирожные.

– Два дня... Это что, пирожные?

– Да, угощайся.

– Ага, я поем, и три дня диеты – насмарку!

– Еще посидишь на диете, делов-то! Слушай, но два дня – это срок! Уважаю!

– Хватит прикалываться! Я его полюбила с первого, можно сказать, взгляда. Мы познакомились в кафе, все было так романтично! Он такой... такой...

– Поэтому ты его и бросила?

– Не поэтому. Я его увидела выходящим из модельного агентства с какой-то малолеткой! Подлец! Променять меня на сопливую девчонку! Да там одни пятнадцатилетние, я это-

го не знаю, что ли! Я стерла его номер телефона, я так страдала...

– Алина, подожди. Потом дострадаешь.

– Как ты можешь?! У подружки личная трагедия...

– Алина, знаешь, если он, как ты говоришь, такой... значит, он тебя не стоит. Вот так! Забудь его.

– Правда? – Алина немного успокоилась. – Я, в общем-то, и сама так думала...

– Тем более. Скажи, ты что-нибудь знаешь про модельное агентство... Кстати, как оно называется?

– Ты что? Да оно у нас одно-единственное во всем городе. Во всяком случае, пока. Не удивлюсь, если это только первая ласточка. Скоро эти МА будут открываться, как грибы после дождя.

– Так как оно называется, ты мне скажешь, наконец?

– «Афродита». А ты разве не знала?

– Ну, так... Я слышала кое-что, но очень мало. А что ты еще о нем знаешь?

– Да то же, что и все. Открылось недавно, не больше полугода тому назад. Набрали туда малолеток пятнадцати-шестнадцати лет с длинными ногами. Конкурсы там проводят, выявляют, кто тощее всех и при ходьбе громче других гремит мослами. Ну и все, пожалуй.

– А ты случайно не слышала, говорят, не так давно одна девочка, которая в этом модельном агентстве занималась, была убита? Ее в лесу нашли, за дачным поселком.

– Да, я слышала что-то такое, но без подробностей. А что?

– Ничего. Я вот только сегодня об этом узнала, случайно.

Я встала, чтобы поставить чайник подогреть, а точнее, желая уйти от Алинкиных глаз. Она вперилась в меня, как будто увидела впервые:

– А! Я еще вот что вспомнила: ее какой-то бомж убил. И говорят, его нашли сразу, чуть ли не на другой день. Он в поселке этом живет, на старой заброшенной даче. Шарит по помойкам. Там же некоторые выбрасывают излишки дачной «продукции», а он их подбирает. Тем и живет.

– А зачем же тогда ему девочку понадобилось убивать? И как она могла оказаться там, рядом с этими дачами? Поехала к кому-то?

– Ты меня спрашиваешь?! – не то удивилась, не то возмутилась Алина.

– Нет, это я так, сама с собой рассуждаю. Ты еще чаю наливай себе, если хочешь. Заодно помяни моих родителей, сегодня годовщина...

– Ой, Поль, я совсем забыла... Ты извини...

– Да ладно. Столько лет прошло.

– Вы небось с Аристархом Владиленовичем и на кладбище с утра съездили?

– Я одна там была, дед прихворнул немного.

– А-а... А правда, зачем это ты про агентство расспрашиваешь? Никак решила заняться расследованием этого убийства?

– Не решила.

– Темнишь, подруга!

– Да нет, правда, никто мне не заказывал его раскрывать, просто я познакомилась на кладбище с женщиной, как оказалось, матерью этой убитой девочки. – Я вкратце пересказала Алине то, что услышала от Нины Васильевны.

– Вот ужас, а?! Вообще-то я бы тоже не поверила, что бомж мог такое сделать. Вот у нас живет один во дворе, по моему, он в подвале ночует. Утром мусорные баки проверит, что там ему надо, аккуратненько достанет и с собой унесет. И даже мусор, тот, что на земле валяется, всегда в баки покидает. Такой аккуратист! И ни с кем никогда не ругается, не спорит... Бомжи – они же в основном тихие.

– Ну, в общем, да. И знаешь, Алина, я не уверена, что вообще буду что-то такое расследовать, но так, для себя, я хочу кое-что узнать про это МА «Афродита». Поможешь?

Подруга пожала плечами:

– Расспрошу кое-кого. Мне уже и самой хочется этим девочкам-припевочкам как-нибудь насолить.

– Скорее всего сами девочки здесь ни при чем. Если кто и замешан в этой истории, так это руководство агентства.

– Руководство! А эти скороспелки, которые в пятнадцать лет выглядят на двадцать? А как они пошло виляют бедрами?! Нет, с ними надо разобраться.

Мы еще поболтали немного, и вскоре Нечаева ушла. На прощание я посоветовала ей найти какое-нибудь интересное

занятие, которое отвлекло бы ее от мыслей о мужском непостоянстве.

Проводив Алину и взяв с нее слово не очень убиваться по ее безвременной умершей любви, я немного почитала в гостиной, потом отправилась в кухню, достать посуду из посудомоечной машины. Зазвонил телефон. Я сняла трубку. Это звонил старый друг нашей семьи, полковник ФСБ, Сергей Дмитриевич Курбатов. Когда погибли мои родители, он был далеко и не мог ничем помочь мне.

– Полина? Это Курбатов, здравствуй.

– Здравствуйте, Сергей Дмитриевич.

– Я знаю, сегодня годовщина гибели твоих родителей.

Вот, решил позвонить, узнать: как ты?

– Спасибо, все хорошо.

– Как Аристарх Владиленович? Не болеет?

– Нет. У него одна болезнь – казино.

– А ты сейчас случайно не расследуешь какое-нибудь дело, а?

– Нет, Сергей Дмитриевич. А почему вы спрашиваете?

– Да так... Что-то давно от тебя никаких просьб не поступало. Тишина, как говорится, настораживает.

– А если от меня поступит некая просьба, вы мне, надеюсь, не откажете?

– Я? Тебе, Полина? Никогда!

– Спасибо, Сергей Дмитриевич, я всегда знала, что могу на вас рассчитывать.

– На днях заеду к вам, проведу Аристарха Владиленовича.

– Будем рады вас видеть.

Мы попрощались, и я положила трубку.

Вынимая чистую посуду из машины, я раскладывала ее по шкафам и размышляла. Конечно, история убитой девочки запала мне в душу. Особенно было жалко ее мать. На нее свалилось столько несчастий разом, точнее, одно за другим. На женщину просто больно смотреть! Но и помочь ей в этой ситуации не представлялось возможным. Что я могу сделать? Девочку не воскресишь. Муж ее в больнице постепенно поправится, причем без моей помощи. Свекровь, будем надеяться, тоже. И станут они все жить втроем, без дочки и внучки. А вот что в этой истории настораживает, так это скорость, с которой нашли убийцу. Да и тот ли, в самом деле, убил, кто сидит сейчас в СИЗО и дожидается суда? А может, мне удастся узнать что-нибудь у журналиста местной газеты «Горовск сегодня», у Антона Ярцева? Это мой старый знакомый, который помогал мне, когда было нужно, с опубликованием необходимой информации, да и сам подкидывал информацию мне, когда требовалось. Занимаясь частным исследованием некоторых дел, мне приходилось обращаться к нему, и Антон, как и Курбатов, никогда мне не отказывал.

Я набрала его номер:

– Ярцева будьте добры.

Через двадцать секунд в трубке прозвучал его бодрый го-

лос:

– Ярцев слушает.

– Антон, это я, Полина. Привет.

– Привет! Как оно, ваше «ничего»?

– В норме. Антон, слушай, тебе что-нибудь известно о девочке, найденной недавно в лесу, за дачным поселком?

– Это которая из модельного агентства?

– Да, она.

– Ну, сам я не занимался этим материалом, но знаю, кто в курсе. Навести справки?

– Да, желательно. Узнай все, что можно, по этому делу.

– О'кей!

Антон отключился, а я еще долго ходила по дому и пыталась заниматься разными делами: загрузила белье в стирку, вытерла пыль с мебели во всех гостиных, достала белье и развесила его во дворе. А сама непрерывно думала об убитой девочке и ее матери, тоже убитой – горем.

Наконец я не выдержала и позвонила Алине Нечаевой. Она очень обрадовалась моему звонку:

– Полина, слушай, как хорошо, что я сегодня с тобой по-видалась! Ты мне такой дельный совет дала! Я им тут же воспользовалась.

– Я? Совет? Какой?

– Ну, как какой?! Заняться каким-нибудь интересным делом.

– А-а... Ну да.

– Так вот, знаешь, чем я решила заняться?

– Алина, подожди, ты мне расскажешь про свое новое увлечение, только чуть позже, хорошо? Сначала скажи, ты узнала что-нибудь о модельном агентстве?

– Узнала. Только там ничего особо интересного нет. Одна моя знакомая... ну, ты с ней знакома, она...

– Короче.

– В общем, эта «Афродита» пользуется не очень хорошей славой. Поговаривают, что девочки там оказывают интим-услуги определенным гражданам. Не всем, а только особам, приближенным... ну, ты поняла? Вот, собственно, и все.

– Да, негусто.

– Поль, ты что, хочешь взяться за них, да? Если так, я тебе помогу. Можешь на меня рассчитывать, как всегда!

– За это спасибо. А теперь говори: чем ты там решила заняться?

– Ой, Полина, ты не представляешь, это так интересно! Вообще-то это йога, только не совсем йога, а скорее индийская философия. В общем, я пока все это только изучаю. Достала такую книгу интересную, называется «Совершенные вопросы – совершенные ответы». Так вот, там написано...

Нечаева понесла что-то про абсолют, карму, любовь, которая должна захлестнуть каждого и поднять его на недостижимые ступени совершенства. Я слушала ее вполуха и думала о своем. Агентство пользуется дурной славой? Что ж,

слава достанет героя, еще как достанет!

– ...В общем, я еще только в стадии изучения, – доверительно сообщила мне подруга.

– Что-то у тебя всё «в общем». А есть что-нибудь «в частности»?

– Да, я тут кое в чем уже разобралась.

– Давай, разбирайся дальше, – посоветовала я и отключилась. Нечаева – известная болтушка, переслушать все, что она говорит, просто невозможно. Она может трындеть часами. Но я стойко переносила тяготы нашей дружбы.

Да, но Алинка-то практически ничего такого особенного не узнала. Подумаешь, агентство оказывает секс-услуги! Об этом и так можно было догадаться. Я поклонялась по дому еще с полчасика, хватаясь то за одно, то за другое. Но, как только я приняла решение пойти на кухню и подкрепиться, зазвонил домашний телефон.

– Алло?

– Полин, это я, Антон.

– Да, слушаю. Есть что-нибудь для меня?

– Есть. Я поговорил с человеком, писавшим заметку об этом убийстве. Там все как-то загадочно и темно.

– Ну-ну?

– В общем, так. Нашли девочку действительно в лесу, она была изнасилована, потом задушена, но – в чем весь ужас – не до конца. То есть в тот момент, когда убийца закапывал ее, она была еще жива! Это патологоанатом установил. На

другой день задержали местного бомжа по кличке Колясик. Наш корреспондент опросил некоторых дачников, которые его часто видели. Все в один голос говорят, что Колясик этот – тип тихий и смирный. Собирал на помойке отходы, но никому не мешал. Некоторые из жалости даже прикармливали его, специально. Ну, там, оставляли на свалке хлеб в целлофане или кашу в банках, старую одежду и обувь. Он все подбирал. Но никто не замечал, чтобы Колясик вел себя как-то... нехорошо. Он был вполне миролюбивым типом. Люди удивились, узнав, что его арестовали. Наша газета дала об этом заметку, хотя материала было предостаточно, но большую статью об убийстве девочки бомжем и быстром раскрытии дела нам написать не разрешили.

– Почему, Антон?

– Не знаю. Знаю только, что следователь Почечуйкин Г.Г. получил за это раскрытие очередное звание майора.

– Это он запретил вам писать подробно?

– Может быть. Редактор только сказал мне, что ему звонили из милиции, просили, кроме небольшой заметки, никакой информации не выдавать.

– Антон, можно мне познакомиться с человеком, собиравшим материал?

– Думаю, можно. Сейчас я у него спрошу... – Вскоре Антон сказал: – Алло? Поля, ты слушаешь?

– Да.

– Подъезжай через полчаса сюда, в редакцию, я вас позна-

КОМЛЮ.

– Спасибо, скоро буду.

По дороге в редакцию я рассуждала сама с собой. Куда я еду, зачем? Надо ли мне копаться в этом, меня ведь никто не просил?

Когда я «разобралась» с прокурором, убившим моих родителей, тогда было совсем другое дело. Он убил *моих* родителей, а эта девочка мне – никто. Я ее даже не знала. Да и потом, с прокурором я разобралась не в одиночку, мне помогли тот же Антон Ярцев, Курбатов Сергей Дмитриевич, другие люди, посвященные в детали этого дела. Конечно, в умении всех этих людей держать язык за зубами я не сомневалась, тем не менее в городе пошли слухи о том, что возмездие настигло семью прокурора не только по воле провидения.

Через некоторое время я получила свой первый заказ – разобраться в деле о странном взрыве на кирпичном заводе и защитить несправедливо обвиненного в этом человека. Со своей задачей я справилась блестяще и в результате поняла, что больше не могу прозябать в скучной и серенькой роли юрисконсульта завода. Я уволилась и на общественных началах занялась частным сыском. Однако практика моя была небольшой: я решила всего лишь несколько семейных проблем. На самом же деле я ждала, когда мне представится возможность восстановить справедливость и защитить людей, нуждавшихся в помощи. Это стало для меня своеобраз-

ным наркотиком, смыслом жизни, кислородом, без которого я уже не представляла своего существования.

Вот и сейчас, хотя мне никто ничего не поручал, я чувствовала, что в деле убитой модели имеются такие вопросы, на которые мне не терпится ответить. И чем больше я думаю об этом, тем сильнее меня разбирает зуд. Наконец-то появилось стоящее дело! А то в последнее время мне попадалась только бытовая мелочовка: помочь с разводом, поймать на месте преступления блудливого супруга, оформить наследство... Тоска! Время от времени я даже отказывалась от рутинных дел: денег нам с Аришей и так хватало, а чахнуть над текушкой мне не хотелось – чем бы тогда отличалась моя работа в детективном агентстве от службы на кирпичном заводе «Красный Октябрь»?

Переступив порог редакции, я сразу окунулась в этот муравейник дел-людей-звонков. Шум, гам, все куда-то спешат... Антона еле нашла в этой толчее. Он говорил с кем-то по сотовому и, увидев меня, закивал головой. Вижу, мол, сейчас освобожусь.

Подошел он минуты через три и, ни слова не говоря, повел меня в один из многочисленных кабинетов. Там стояли два стола, да больше там вряд ли бы и поместилось, такая была теснота. За столами, уткнувшись в мониторы, сидели молодые люди, один был постарше, лет тридцати, другой совсем юный, я бы не дала ему и двадцати. Антон подвел меня

к старшему:

– Вот, Аркадий, знакомься, это та девушка, о которой я тебе говорил. Полина – Аркадий.

Мы оба кивнули друг другу.

– Присаживайтесь, – показал мой новый знакомый на стул рядом с его столом.

Я опустилась на мягкое кожаное сиденье.

– Ну, давайте, обсуждайте, а я побежал, – Антон махнул нам рукой и вышел из тесной комнатухи.

Я посмотрела на Аркадия. Худосочный астеник с каким-то замученным взглядом. Длинные волосы собраны в хвост.

– Так что вас конкретно интересует? Из того, что сказал мне Антон, я, честно говоря, ничего не понял.

– Меня интересует все. – Я покосилась на юного пользователя компьютера. Тот с самым умным видом стучал по клавишам и, казалось, не обращал на нас никакого внимания. Но я взглядом дала Аркадию понять, что присутствие этого юного дарования меня смущает.

– Эй, Тёмич, пойди покури, – сказал Аркадий.

– Не курю, – донеслось из-за монитора.

– Тогда сходи кофейку попей.

– Кофе пить вредно, он искусственно стимулирует нервную систему.

– Видали? – кивнул Аркадий на сослуживца. – Вундеркинд! Слышь, Тёмич, перезагрузись, тебе говорят!

– Так бы сразу и сказал, – обиженно пробубнил «вундеркинд» и нехотя вышел из кабинета, не забыв удостоить меня недовольным взглядом.

– Аркадий, – сказала я худосочному молодому человеку, – я хочу знать все с самого начала.

– С самого? – переспросил он.

Я кивнула.

– Вначале было слово. И слово было бог, – произнес он.

– Я вижу, вы читаете на досуге Библию, но я имела в виду нечто другое.

– Ладно, я пошутил.

– Я догадалась.

– Так вот, – Аркадий взял со стола пачку сигарет, – будете?

Я отрицательно мотнула головой.

– Мне в этом деле с самого начала все не понравилось. Подозрительным мне показалось то, что преступника поймали как-то уж очень быстро. Вчера нашли убитую, а сегодня уже и убийца сидит в СИЗО. Это – раз. – Аркадий затянулся, выпустил дым в сторону. – Второе. Девушка была хорошо одета. Дорогое платье, туфли на шпильке, дорогая заколка в волосах, дамская сумочка, такая, знаете, к вечернему платью. В подобном наряде на дачу не ездят. Я сразу подумал: странно, что девушка оказалась в дачном поселке. Ей самое место – на дискотеке или ночном клубе. Третье. Бомж, если убил он, не снял с жертвы никаких украшений. Он что, совсем дурак? У нее цепочка золотая была на шее, тонень-

кая, правда, но тем не менее... Сережки в ушах, в сумочке небольшая сумма денег, сотовый – все на месте. Да бомжу все с нее продать – он месяц бы кутил на широкую ногу! Объялся бы! А он ничего не тронул. Тоже странно. Когда я все эти доводы следователю высказал, он мне намекнул, чтобы я не умничал, в милиции, мол, сидят люди не дурее тебя. А бомж сам сознался. Так что дело закрыто и передано в суд.

– Скажите, как фамилия следователя? – Я достала из сумочки блокнот и ручку.

– Почечуйкин. Григорий Германович.

– А с подозреваемым вам не удалось поговорить?

– Нет, мне не разрешили. Вообще было такое ощущение, что от меня там хотят избавиться. Я уже потом узнал, что Почечуйкину дали очередное звание за быстрое раскрытие. Я ему говорил, что, мол, хочу большую статью написать. Но он строго так сказал, что никакой статьи не надо. Чтобы родственникам больно не сделать. Ишь, заботливый какой! Напиши, говорит, небольшую заметку. Я пытался объяснить, что тема эта актуальная, читателям будет интересно, но он так на меня рявкнул! Потом еще и редактору позвонили, и я думаю, что звонил уже не этот... дважды «Г», а кое-кто повыше. – Аркадий нервно стряхнул пепел в железную банку из-под растворимого кофе. – Черт, такой материал пропал! – Он забарабанил пальцами по столу.

– С родителями девушки вы встречались? – спросила я.

– Да я с кем только не встречался! Чуть до папы римского

не дошел!

– И что родители сказали?

– Они все время плакали, особенно мать. Отец еще кое-как крепился. Они считают, что во всем виновато модельное агентство, где их дочь занималась несколько месяцев. Оттуда, мол, все зло идет. Если бы девочка не ходила туда...

И Аркадий поведал мне то, что сегодня утром я уже слышала от Нины.

– А в само агентство вы ходили? – продолжала я пытаться моего нового знакомого.

Он кивнул, смял окурок и затолкал его в банку, где уже лежала целая гора такого добра.

– И в «Афродиту» я ходил, и с ее организаторами говорил. Честно сказать, мне эти подружки совсем не понравились.

– Какие подружки? – не поняла я.

– Эвелина Венедиктовна и Рузанна Эдуардовна. Две подружки, как они сами себя называли, открывшие это агентство. Что-то они мне плели про красоту, которая спасет мир... Но, честно говоря, все это такая лабуда!

– Почему?

– Да знаете... – Аркадий нервно затеребил пачку сигарет, – сам их вид... У обеих декольте до самого, извините, пупка и одежда какая-то... кричащая, что ли. В общем, безвкусица.

– То есть они вам не понравились?

– И я им – тоже. Они, когда узнали, что я собираюсь пи-

сать про погибшую девушку, так задержались! То им некогда со мной разговаривать, у них, видите ли, занятия начинаются, то им куда-то срочно понадобилось отъехать... А один раз они просто в открытую попытались выставить меня из агентства. В общем, вели себя дамочки подозрительно.

Я поблагодарила Аркадия за эти сведения. Вышла из редакции и села в свою машину. По дороге домой я размышляла над тем, что сейчас услышала. Эвелина Венедиктовна и Рузанна Эдуардовна. Одни имена чего стоят! Это вам не Марь-Иванна какая-нибудь или Лидь-Петровна. Одним словом, по дороге домой я для себя твердо решила заняться этим делом. Пусть мне его никто не заказывал, не в этом суть. Мне самой хочется разобраться – что же на самом деле произошло и кто убил Аду Карпову?

Глава 3

Вечером, за ужином, я намеревалась скрыть от деда мое новое «дело». Но Аристарха Владиленовича обмануть не так-то просто, он – стреляный воробей, его на мякине не проведешь. Он сразу скумекал, что я как-то подозрительно задумчива, и спросил:

– Полетт, о чем ты пытаешься умолчать?

– Да так, – ответила я неопределенно.

– У тебя от меня секреты? С каких пор?

– Да нет, дедуля, не то чтобы секреты, просто обдумываю одно дельце.

– А мне об этом ты поведать не хочешь?

Ариша смотрел на меня, прищулив глаз, и я поняла, что рассказать обо всем Арише мне все равно придется, так почему не сейчас? Я начала с самого начала: как я поехала утром на кладбище и увидела там женщину, плакавшую возле могилы дочери. Дед слушал очень внимательно, не забывая при этом жевать свой бифштекс. Когда мы перешли к чаю, я уже заканчивала свое повествование:

– Так вот, раз и журналисту Аркадию все это показалось таким странным, не только мне, я и подумала: а почему бы мне не заняться этим делом? Все равно я сейчас бездельничаю.

Ариша, похоже, уловил в моем рассказе не только стран-

ность произошедшего, но и тот факт, что у меня появился новый знакомый – журналист Аркадий. Надо сказать, что дед очень переживает, что в свои двадцать восемь я еще не замужем, и время от времени он пытается познакомить меня с каким-нибудь молодым человеком. Но с молодыми людьми у меня все как-то не ладилось, похоже, мои требования к сильному полу были чересчур завышены, или в нашем Горовске, как по заказу, собрались далеко не лучшие его представители – не знаю. Только сходить замуж мне пока не довелось. Да я об этом и не жалею, потому что считаю: семья у меня есть – это я и мой дед Ариша. Мы нежно любим друг друга, заботимся друг о друге. Правда, дед с таким мнением не согласен, он считает, что я должна в самом ближайшем будущем выйти замуж и родить ему правнуков.

– Полетт, ты познакомилась с молодым человеком? Он женат или холост?

– Дед, ну какое это имеет отношение к моему расследованию?

– К расследованию, может, и никакого, а вот к твоей личной одинокой жизни...

– Все, все, дед, не продолжай. – Я встала, чтобы налить себе еще чаю.

– Полетт, почему ты не хочешь узнать об этом Аркадии побольше?

– Потому, что он мне не понравился. Худосочный астеник с расшатанной нервной системой.

– Да? – Ариша с подозрением посмотрел на меня. – А может, он поправится, мы его откормим...

– Дед, ну, он же не бычок для забоя, чтобы его откармливать!

Ариша вздохнул и отодвинул пустую чашку:

– А я, признаться, так хочу увидеть в этом доме маленьких и шумных «казачат»...

– Дед, если я выйду замуж, я скорее всего сменю фамилию и буду уже не Казакова, а какая-нибудь Иванова или Петрова, а может, даже Сидорова. Тогда по дому будут бегать «иванята» или «петровята», а может, даже «сидорята».

– Пусть будут «иванята», я согласен. Как бы они ни назывались, лишь бы бегали и шумели, – мечтательно сказал Ариша.

Я встала, подошла к деду, обняла его за плечи и поцеловала в лысеющую макушку.

– Дедуля, ну разве нам плохо вдвоем?

– Полетт, тебе пора замуж. Извини, но тебе уже не двадцать лет! А ты ни с кем не хочешь даже встречаться.

– Я просто не вижу того, с кем можно было бы встречаться.

– Ты слишком высоко подняла планку, ты невозможно требовательна к молодым людям. Уменьши свои запросы...

– Дедуля, не хочу я уменьшать запросы! Человек должен мне как минимум нравиться. И все, давай закончим об этом. Мне жаль, что Аркадий – это все, что ты уловил из моего

рассказа.

Я отошла от моего прародителя и начала убирать со стола посуду, закладывая ее в посудомоечную машину.

– Нет, нет, я все понял про эту девочку, это, конечно, ужасно, трэ маль, но, Полетт, тебе ведь никто не заказывал этого дела, значит, и денег ты не получишь.

– Дед, не все измеряется деньгами, ты же знаешь. И потом, разве нам с тобой их не хватает?

– Конечно, если ты так решила, я даже готов помогать тебе, как всегда. И, если ты еще раз встретишься с этим Аркадием... Я говорю: если... То, пожалуйста, присмотришь к нему повнимательнее. Я уверен, что ты его просто не разглядела как следует.

– Хорошо, дед, в следующий раз я изучу его в лупу.

Я убралась в кухне и поднялась в свою комнату. Хотела немного поиграть на саксофоне, но почувствовала, что настроение не то, и стала готовиться ко сну.

* * *

Утром, когда я проснулась, то еще лежа в постели стала прикидывать план моих дел на сегодня. Так, днем у меня бассейн. Я уже несколько месяцев занимаюсь аквааэробикой и бросать это дело не собираюсь. Это прекрасно поддерживает физическую форму и дает тонус. После бассейна, очевидно, следует съездить в модельное агентство. Насколько я

знаю, эти заведения днем не работают, только вечером. Вообще эти бабочки ведут ночной образ жизни. Да и Нина Васильевна говорила, что дочь ходила на занятия по вечерам. А раз утро у меня свободно, займусь-ка я уборкой дома. А то вчера сделать это как следует мне так и не дали.

Я активно бегала по дому со шваброй и тряпкой, когда раздался телефонный звонок.

– Алло?

– Полина, это я! – радостно сообщила мне Нечаева, словно без этого оповещения я бы не догадалась, кто звонит. – Слушай, я тебе вчера не досказала... Я тут такое интересное дело открыла! Ты что-нибудь слышала о высших астральных течениях?

– Разумеется, я ведь не в лесу живу.

– Так вот, я тут книжку одну приобрела, называется «Совершенные вопросы – совершенные ответы». – Похоже, она напрочь забыла, что поведала мне о книге еще вчера. – Да, так вот, эта книга о смысле жизни. Ты, например, в чем видишь смысл жизни?

Такого вопроса я не ожидала и потому задумалась. Мое молчание подруга расценила по-своему.

– Ага, не знаешь! Я так и думала! Все живут, не задумываясь, не ища этого смысла, просто плывут по течению. Полина, так нельзя! Вот один американец... Так, как тут его зовут?.. А, вот... Боб Коэн. Он сотрудник Корпуса Мира в Индии, так вот, он задумался о смысле жизни, и эта задум-

чивость привела его на святую землю Майапура, что в Западной Бенгалии. Там, в маленькой глинобитной хижине, он беседовал с Бхаг-ти-ве-дан-ты Сва-ми Праб-ху-па-ды, – прочитала Алина по слогам, – это Его Божественная Милость...

– С кем, ты говоришь, он беседовал? – спросила я, давась от смеха.

– С Бхаг... Ну, это не важно. Так вот, это Боб... как его?.. Коэн задавал Его Милости вопросы, а Его Милость отвечал ему. Отсюда и название книги.

– А кто определил, что эти вопросы и ответы – совершенные? И вообще, Алина, тебе-то это все зачем?

– Как зачем?! – возмутилась Нечаева. – А смысл жизни?! Вот ты не знаешь, в чем он...

– А ты уже знаешь?

– Пока тоже нет, но я уже задумалась.

– С чем тебя и поздравляю, задумчивая ты моя.

– Поль, подожди, тут столько интересного! Оказывается, если петь мантры, это очищает организм! Представляешь?! И не надо никаких таблеток для выведения шлаков. Помнишь, нам предлагали в этой компании... Как ее?.. Для очищения кишечника, для печени и для...

– Мозгов, – подсказала я.

– Да нет, для мозгов не предлагали.

– А жаль! Кое-кому не помешало бы...

– В общем, Полина, я решила всем этим заняться. С сегодняшнего дня перехожу к вегетарианству. Это раз. Разучи-

ваю мантры, это два. Тут еще говорится, как добиться совершенства. Представляешь, я буду совершенной женщиной! Поль, как звучит, а?! Само совершенство!

Я поняла, что у Алины съехала – в очередной раз – крыша от очередной же затеи. Моя подруга, с которой мы знакомы уже много лет, постоянно участвовала в каких-то движениях, записывалась на курсы, стояла в пикетах, то есть являла собой пример активного образа жизни. Я бы даже сказала, суперактивного. Однажды она увлеклась чайной церемонией и стала настаивать на строительстве чайного домика во дворе моего дома. Теперь вот у нее новая страсть – йога и индийская философия.

– ...Нам непременно надо достать мрдангу, – продолжала между тем Нечаева.

– Что достать? – не поняла я.

– Мрдангу. Это глиняный барабан, используемый при совместном пении имен Господа Кришны, – пояснила подруга.

– А-а! Ладно, я сейчас все брошу и побегу доставать эту штангу, или как там ее...

– Мрдангу. – Нечаева даже не обиделась. – Ты не думай, достать ее не так уж сложно...

– Да я особенно и не переживаю, я знаю, у нас эти глиняные штанги на каждом углу продают. И вообще, наш Горовск скоро займет первое место в России по производству этих... глиняных барабанов.

– Вот ты всегда так! Я с тобой серьезно, а ты!.. Я такое

занятие интересное нашла, а ты со своим сарказмом...

— Нет, почему же, давай достанем глиняный барабан, будем стучать в него и распевать: «Харя Кришны, Харя ра-мой»... Говоришь, кишечник от этого очистится?

— Я вижу, ты не в настроении. Я потом тебе перезвоню, — многозначительно пообещала Нечаева и отключилась.

Мне очень не хотелось, чтобы подруга на меня обиделась, но еще больше не хотелось мне колотить в глиняный барабан и распевать мантры. И вообще, про Кришну пускай поют в Индии, нам-то он зачем? Нам что, и спеть уже больше не о чем? Я вернулась к уборке квартиры.

Днем я съездила в спортивный комплекс «Зенит», с удовольствием позанималась аквааэробикой и, бодрая и мокрая, приехала домой. Пообедав как следует, я стала готовиться к посещению модельного агентства.

Первым делом я задумалась: а под каким предлогом я туда приду? Записываться в модели мне уже поздно. В моем возрасте, насколько я знаю, модели как раз выходят на пенсию. А что еще может привести туда молодую женщину? Записать свою дочь? Рановато. Пятнадцатилетней дочки у меня никак не может быть. Не могла же я родить в тринадцать! Младшую сестру записать? Возможно, но там мне просто скажут: «Пусть она сама придет». И весь разговор. Нет, надо, чтобы со мной захотели поговорить. Так, думай, Поля, думай! Я разбирала спортивную сумку, развешивала сушиться купальник и полотенце, а сама лихорадочно работала изви-

нами.

Вдруг меня осенило. Ярцев! Мне может помочь журналист Антон Ярцев. Как? Да очень просто! Я возьму его удостоверение и покажу эту ксиву в агентстве. Я, мол, журналистка, хочу... нет, я получила задание написать статью о единственном в городе модельном агентстве, и так далее. Хорошо. Это подойдет. Загримироваться я смогу, навыки, когда-то полученные мною на курсах стилистов, пока что не забылись. Я набрала телефон Ярцева.

– Антон? Привет, Полина.

– Привет. Ну, как ты вчера поговорила с Аркадием? Полезного много надыбалала?

– Да, спасибо. Слушай, Антон, у меня к тебе просьба...

– Кто бы сомневался! Познакомить тебя еще с кем-нибудь?

– Нет, я сама сегодня еду знакомиться с основателями модельного бизнеса в нашем городе. Но для этого мне нужно твое журналистское удостоверение. Это реально?

В трубке на некоторое время повисла тишина. Должно быть, Антон не ожидал такого поворота событий.

– Понимаешь, Полина, это не очень... Как бы тебе сказать?..

– Антон, ну пойми, как я еще могу прийти туда и расспрашивать всех обо всем? Кто со мной будет говорить?

– Да, но удостоверение... Это же документ!

– Обещаю не использовать его в других целях.

– А как же моя фотография? Не думаю, что мы с тобой похожи, как близнецы.

– Надеюсь, на фото никто смотреть не станет. Я придумала, как запудрить мозги этим дамочкам.

– Ты знаешь, Поля, есть такие люди, которые, когда им показываешь документ, берут его в руки и внимательно изучают. Если тебе попадетсЯ такой человек...

– Я поняла. Но что же тогда делать, Антон? Мне обязательно надо попасть в это агентство!

– Дай подумать. Я перезвоню тебе. – Ярцев отключился.

Я слонялась по комнатам и не находила себе места. Я уже настроилась на визит в «Афродиту». Даже придумала, как загримироваться. Неужели Антон не даст мне свое удостоверение? Тогда надо «сочинить» что-то другое. Может, я ищу работу стилиста-визажиста? У меня и свидетельство есть об окончании курсов.

Зазвонил телефон. Я схватила трубку.

– В общем, так, – сказал Антон, – приезжай. Я договорился... Тут одна девушка... Она сегодня работает над материалом, удостоверение ей без надобности, так что можешь взять его на вечер. Но она просила вернуть его до утра.

– Ой, Антон, спасибо тебе большое-пребольшое!

– Только, Полина, предупреждаю: она совсем на тебя не похожа.

– Так это и хорошо! Именно это мне и надо!

– Да? – с сомнением спросил Антон. – Ну, как знаешь... –

И он отключился.

* * *

Через полчаса я стояла в коридоре редакции и держала в руках удостоверение журналиста газеты «Горовск сегодня». На снимке была изображена черноволосая девушка в очках. Длинные волосы спадали ниже плеч, ее черные брови очень бросались в глаза.

– Ну и как? – спросил Антон. – Подойдет?

– Как нельзя лучше. Черный парик у меня есть, очки тоже найдутся, глаз у нее здесь почти не видно, и это хорошо. Загримируюсь!

– Ну, ты даешь! – восхитился Ярцев. – Но не забудь: до утра удостоверение должно быть у Вари.

– Да, я помню, спасибо.

Я ехала домой в своей машине и прикидывала, как буду гримироваться. Я теперь – Фадеева Варвара Егоровна. Не забыть бы свое новое имя!

Дома я прежде всего нашла похожий парик и надела его. А что, очень хорошо! Потом я села перед зеркалом и начала (осторожно) наносить макияж. Так, лицо у девушки уже, чем мое, значит, на скулы положим темный тональный крем. Нос похож, а вот губы мне придется немного увеличить. Я взяла темную помаду и накрасила губы так, что они стали казаться больше. А брови надо сильно намазать черной тушью, чего

я раньше никогда не делала.

Когда через час я сравнила свою внешность с девушкой на фотографии, то поняла, что не зря ходила на курсы стилистов. Практически одно лицо, если, конечно, не присматриваться. А вот чтобы этого не произошло, надо с порога так запудрить всем мозги, чтобы им было не до фото. А чтобы еще больше походить на журналистку, я надену джинсы и майку неяркой расцветки. Это они там пусть по подиуму в вечерних платьях ходят, а у меня – работа, задание редакции! Синяя бейсболка, надвинутая на глаза и призванная затенить лицо, завершила мой прикид.

Вскоре я уже мчалась в своем «Мини Купере» на улицу Мирную.

Я поставила машину, немного не доезжая до агентства, чтобы не «светиться». Модельное агентство «Афродита», как ни странно, не очень-то выделялось среди магазинчиков и кафешек, рядом с которыми находилось. Неброская вывеска, довольно скромное крылечко. Напротив – парковка для машин. Поднявшись по ступенькам, я открыла белую пластиковую дверь и оказалась в небольшом фойе. Здесь был рецепшен, правда, там никто не сидел, три-четыре низких кресла, крохотный журнальный столик с веером ярких журналов. В углу – большая искусственная пальма, налево и направо от входа находились две двери. Ко мне тотчас подошел охранник, которого я сразу и не заметила. Это был молодой

человек в черной форме, с дубинкой у пояса.

– Здравствуйте, вам кого? – спросил он довольно строго.

– Здравствуйте, я из газеты «Горовск сегодня», журналист Фадеева Варвара, – отчеканила я скороговоркой и сунула под нос охраннику «свое» удостоверение. – У меня задание – написать про ваше модельное агентство.

Охранник взял корочки у меня из рук, раскрыл их (хорошо, что я не взяла удостоверение Антона, вот влипла бы!), посмотрел на меня и на фото. У меня екнуло в груди.

– Вы понимаете, – затараторила я опять, – у меня срочное задание, мне просто необходимо встретиться с кем-нибудь из вашего руководства! И скажите, пожалуйста, как зовут вашего директора? Или у вас не директор? Где у вас руководство?

Охранник несколько обалдел от такого напора. Он даже отстранился от меня. Закрыв корочки, он протянул их мне:

– Ждите здесь, я доложу о вас.

Я опустилась в одно из кресел, а охранник вошел в левую дверь. Фу, одну проверку мне пройти удалось! Через пару минут он появился и сказал, указав на дверь, из которой вышел:

– Пройдите туда. Директор – Эвелина Венедиктовна.

– Спасибо! – пылко воскликнула я и чуть ли не бегом направилась к двери.

Я толкнула ее и оказалась в небольшом, но очень стильном кабинете. У окна стоял средних размеров светло-серый

стол. На нем – жидкокристаллический монитор. У стены – офисный шкаф, такой же, как стол. В углу – холодильник, около него – небольшой столик с чайными принадлежностями. За столом в большом вертящемся кресле бордового цвета сидела женщина лет тридцати, яркая блондинка. Белые волосы ее были взбиты в пышную прическу. На лице наблюдалось явное излишество косметики. Длинные серьги почти падали на ее плечи, открытое платье было несколько кричащим. Браслеты, цепочка вместе с бусами... Да, пожалуй, Аркадий был прав: безвкусица, и больше ничего. Да еще бюст несколько великоват для такого декольте, или наоборот, платье тесновато. Женщина перебирала какие-то бумаги. Она подняла глаза и посмотрела на меня, как мне показалось, настороженно.

– Здравствуйте, – затараторила я, войдя в образ и восторженно посмотрев на женщину, – я журналист газеты «Горюск сегодня». Я получила задание написать о единственном в городе модельном агентстве...

– Разрешите ваше удостоверение, – неожиданно попросила женщина.

Я подскочила к ней и протянула корочки:

– Вы знаете, я слышала столько восторженных отзывов о вашем агентстве! Вы у нас в городе уже полгода, а мы до сих пор не написали о вас ни одной статьи. Только маленькая заметка была об открытии. Редактор считает, что это – большое упущение! А сейчас я хочу...

Я тараторила как можно быстрее. Несла что-то про хороший почин, про «первую ласточку», за которой вскоре последуют другие ласточки, не менее важные, что все только и говорят про «Афродиту» и то большое дело, которое она делает. Я поражаюсь сама себе. Откуда только взялось у меня такое красноречие?! Наверное, от страха разоблачения.

Женщина вернула мне удостоверение и, наконец, улыбнулась:

– Меня зовут Эвелина Венедиктовна. Я директор и основатель этого агентства.

– Ой, разрешите, я буду записывать? – Я поправила очки, достала из сумки микрофон.

– Присаживайтесь. А что именно вас интересует? – спросила она.

Я опустилась в одно из двух кресел, таких же, как в фойе, и пылко ответила:

– Все! Меня интересует все. Как вы открывались? Было ли вам трудно? Все-таки первое модельное агентство! Не ставили ли вам препоны? Как вы приглашали девочек? Как отбирали их? Словом, все, с самого начала.

Я вцепилась в микрофон и вперила глазами в Эвелину Венедиктовну.

– Ну... как начинали? – Эвелина убрала бумаги со стола в папку. – Мы с Рузанной... Рузанной Эдуардовной – давние подруги. Да, давно уже дружим. Так вот, она... нет, – я однажды говорю: «Руза, а не открыть ли нам модельное агент-

ство?»

– Что вы! Как интересно! – не удержалась я от проявлений восторга.

– Да, модельное агентство. Вот. А она говорит: давай откроем. Мы ведь сами работали когда-то... моделями... И вот мы стали готовить документы...

– Скажите, а в каком модельном агентстве вы работали? – перебила я ее.

Эвелина немного растерялась от такого вопроса, но довольно быстро собралась и сказала:

– Это было в Москве... давно. Агентство называлось... «Венера». Да, мы с Рузанной Эдуардовной там работали моделями. Нас даже снимали для журналов. А поскольку век модели недолог, сами понимаете, мы ушли оттуда, и вот – решили открыть свое.

– Понятно. Все это безумно интересно! Извините за нескромный вопрос: где вы взяли средства? Ведь открытие такого заведения требует больших затрат. Нашим читателям захочется узнать об этом.

– А, затраты... Да, деньги отвали... Я хотела сказать, мы вложили немалые! А у меня был муж. – Эвелина при этих словах поправила прическу, как будто в этой комнате находился мужчина. – Вот... Он был бизнесменом. У него небольшая фирмочка... Э-э... то есть была фирмочка по продаже... да это и не важно, правда? Одним словом, он был не беден. Но – умер. Да: проснулся однажды утром, пошел

в ванную и... умер.

– Боже мой! – Я схватилась за сердце. – Какой ужас!

– Да уж, действительно, это был такой ужас... Ну вот. Я его фирмочку продала, а деньги вложила... Мы с Рузой вложили. Девочки из вашего города должны получить возможность выйти на большой подиум!

– Несомненно! – пылко воскликнула я. – Скажите, говорят, победительница первого конкурса заключила контракт с французским журналом «Пур тужур» на пять миллионов евро?

Эвелина Венедиктовна посмотрела на меня широко открытыми глазами.

– Откуда у вас такие сведения?

– Ну... знаете, земля слухами полнится...

– Ну, вы, журналюги... Э-э, я хотела сказать, журналисты, вы все раскопаете! Эта информация конфиденциальна, об этом не надо писать. А то, сами понимаете, набегут к нам со всего города! Всем же в Париж хочется! Тут и так целый месяц, пока шел отбор девочек, дым коромыслом стоял!

– Трудно было выбрать лучшую? И вообще, по каким критериям отбирались претендентки?

– Фигура – это в первую очередь. Чтобы стройная, сами понимаете, чтобы... бюст, бедра – все было на месте. Лишние килограммы – этого мы не пропускали. Лицо – это уже потом. Лицо у модели может быть и не таким уж красивым – косметика-то на что? Если правильно ее наносить... Я имею

в виду искусство макияжа. Ну, и желание. Огромное желание самой девочки добиться успехов в модельном бизнесе любой ценой... Я имею в виду: упорные занятия, занятия и еще раз занятия! Работаем над собой, отрабатываем походку, учимся пользоваться косметикой, и так далее, и тому подобное. Вот вы, не в обиду вам будь сказано, совсем не умеете пользоваться косметикой! Что это у вас за брови?!

Меня даже в жар бросило:

– А что брови?

– Надо их выщипать. И перекрасить в каштановый цвет.

А губы?

– А что губы?

– Нельзя красить их так ярко! Избыток косметики портит женщину!

Уж кто бы говорил!

– Так ведь я журналист... – робко попыталась я оправдать свою неграмотность в области макияжного искусства.

– Вот! А пользование косметикой является для нас важнейшим из искусств... Не помню, кто это сказал.

– Много девочек пришли на отбор?

– Да я ж говорю, полгорода сбежалось. Мы тут с Рузой целый месяц с утра, понимаете ли, и до вечера сидели. Чуть не опупе... чуть не это... В общем, с ног валились. Каждый день – полсотни девочек! А их ведь не просто посмотреть надо, с каждой требовалось поговорить, понимаете? Модель – это не просто красивая девушка. Должен быть характер...

соответствующий. Понимаете?

Я старательно кивала головой, мол, понимаю, какой непосильный труд выпал на плечи организаторов.

– Вот. Отобрали, стали заниматься. Это только кажется, что девочки просто ходят по подиуму взад-вперед – и все. На самом деле это упорная работа каждый день... над собой. Некоторым пришлось сбросить лишний вес. Вот! А косметикой кто из них умел пользоваться?

– Кто? – затаив дыхание, спросила я.

– Никто!

Сильно сказано! Никто! Вот что значит – специалист!

Мы еще некоторое время беседовали с Эвелиной в том же духе, потом я набралась смелости и спросила:

– А можно встретиться с вашей подругой Рузанной... простите, как ее отчество?

– Ег... э-э... Эдуардовна. Она сейчас в зале, скоро начнутся занятия, девочки собираются.

– Вот и хорошо, пока они не собрались, можно мне с ней поговорить?

– О чем? – подозрительно спросила Эвелина. – Я вам не на все вопросы ответила?

– Конечно, ответили, спасибо за интересный рассказ. Нашим читателям, я уверена, понравится. Но мне хотелось бы увидеться еще и с вашей коллегой. И с девочками, если можно. А то в статье будут только ваши ответы. Как-то куце получится, мне редактор голову оторвет.

– Да? – с сомнением спросила Эвелина и вдруг подняла руку и почесала в затылке, совсем как деревенская баба. – Ну, ладно, пообщайтесь с Рузанной, только сначала я сама с ней поговорю. Идемте!

Мы покинули кабинет директора и прошли в другую дверь. За ней было помещение, похожее на зал для балетных экзерсисов. На одной стене висели зеркала, правда, немного, несколько штук, вдоль них тянулся металлический поручень. Зал был почти пуст. В углу стоял стол с магнитофоном, еще – стул, на котором сидела полноватая женщина. Она выглядела немного старше Эвелины. Накрашена она была вообще вульгарно. Жалко, Эвелина не прочитала ей лекцию, как следует пользоваться косметикой! Некогда, наверное. Все в трудах, все в трудах...

– Руза! – крикнула Эвелина.

Женщина подняла на нас глаза.

– Тут вот пришли поговорить... из газеты... статью про нас писать будут... – Эвелина быстро подошла к подруге и о чем-то зашептала ей на ухо.

Я, конечно, не слышала их разговор, но по лицам собеседниц было видно, что одна о чем-то предупреждает другую. Потом директриса вернулась ко мне. Я поблагодарила Эвелину Венедиктовну, но она не уходила, ждала, когда Рузанна Эдуардовна подойдет. Когда та подплыла к нам, как каравелла, я заметила, как женщины обменялись быстрыми многозначительными взглядами.

– Рузанна Эдуардовна, скажите, как вы учите девочек правильно двигаться? – задала я свой первый вопрос после взаимных приветствий.

Та метнула на подругу удивленный взгляд.

– Руза, ну, расскажи: как ты учишь девочек двигаться? – попыталась помочь подруге Эвелина.

– Как учу? Показываю. Сама хожу, а они на меня смотрят. И повторяют.

– Вот! – обрадовалась Эвелина. – А давайте сделаем так. Руза! Там некоторые девочки уже пришли на занятия? Вот и пусть они сами все покажут. Включи музыку.

Каравелла поплыла обратно к своему столу, непозволительно вульгарно виляя бедрами. Мои нарисованные брови невольно поползли вверх. Зазвучала музыка. Рузанна сходила куда-то и привела четырех девочек в купальниках. Они встали в ряд, как четверка лошадей, лицом ко мне, неестественно вскинули головы и вдруг пошли на меня, дергая плечами и виляя бедрами, как их учительница.

– Девочки, выше колени! – кричала им Рузанна зычным голосом. – Плечи развернуть! Естественнее! Больше шарма! Пошли назад!

Меня чуть не стошнило от этого безобразия. Я с трудом удерживала на лице улыбку, чувствуя, как она постепенно превращается в гримасу. Девочки походили так по залу несколько минут, потом Рузанна остановила их – иначе эти цапли маршировали бы до утра, высоко вскидывая колени.

Да, зрелище было жуткое! Улыбка моя угасла...

Едва сдерживая себя, я похлопала в ладоши, с трудом вернула на лицо улыбку и попросила разрешения побеседовать с девочками.

– Говорите! – милостиво разрешила Рузанна Эдуардовна.

Девочки подошли ко мне. Они смотрели на меня с каким-то даже вызовом: вот, мол, какие мы, будущие модели! Я поспрашивала об их именах, возрасте, о том, как они пришли в это агентство, не были ли против их родители и так далее. Потом, как бы между делом, я спросила, нет ли среди них Лиды Масловой.

– А она больше сюда не ходит! – резко сказала одна из девочек.

– Да? – удивилась я. – А что так?

– Нечего ей здесь делать! – ответила другая. – Таким не место в агентстве.

– Каким – таким? – настаивала я.

– Она сплетница. Распускала про нас грязные слухи!

Но тут подруги одернули ее, и девочка замолчала.

Потом я пошла в раздевалку, служившую одновременно примерной. Там я познакомилась еще с несколькими девочками, задала им нейтральные вопросы, чтобы не вызывать подозрений, желая просто познакомиться с ними. Одна девочка невольно привлекла мое внимание. Она держалась ото всех особняком и выглядела какой-то обиженной. Она была среднего роста, и я удивилась, как ее приняли в агентство,

сюда ведь берут только высоких девочек. Но эта, голубоглазая, с длинными русыми волосами, чем-то напоминала Аду Карпову на фотографии. Я отметила про себя, что с этой девочкой мне стоит познакомиться. Похоже, ей здесь не нравится.

Поговорив со всеми будущими моделями, я вышла в фойе. Охранник молча проводил меня глазами. В его взгляде явственно читалось: бывают же такие дуры!

Я зашла за угол и первым делом сняла очки. Черт возьми! Как люди в них только ходят! У меня немного болела переносица, я потеряла ее пальцами. Когда я села в свою машину, я наконец-то вышла из образа суетливой балаболки-журналистки. Но это их модельное агентство! Мне показалось, что я побывала в театре абсурда. Неужели никто этого не видит, не замечает или никто не понимает, что это все – такая мерзкая пошлятина?! Директриса едва слова связывает. Обе подружки – весьма вульгарные особы. Как вообще родители доверили им своих дочерей?!

Я вспомнила об Антоне Ярцеве. Достала мобильник, набрала его номер.

– Антон, добрый вечер, это Полина. Я могу вернуть тебе удостоверение. Куда подъехать?

– А я еще в редакции, так что можешь подруливать.

– Тогда жди.

Я сдернула с головы парик, вытерла салфетками брови и губы и выжала сцепление. Через четверть часа мы с Антоном

встретились на крыльце редакции. Я вернула ему корочки.

– Антон, спасибо, что предупредил меня насчет того, что некоторые заглядывают в документы. Я могла конкретно залететь.

– Ну, как все прошло, нормально?

– Да, главное, два человека видели эту ксиву. Теперь я уже могу смело идти в агентство без корочек. В случае чего, скажу, что дома их забыла.

– Ну, и как тебе это заведение?

– Тяжелое впечатление. Вообще, этим МА надо заняться. Чует мое сердце, здесь нарисуеться очень некрасивая картинка.

В благодарность за одолженное мне удостоверение я отвезла Антона домой. Потом поехала к себе.

Деда дома не оказалось, должно быть, он опять пропадал в казино. Я не стала дожидаться его, села пить чай одна.

Ариша вскоре вернулся домой в самом благоприятном расположении духа.

– Бонжур, Полетт, – сказал он, – чаевничаешь?

– Да. А ты, как я вижу, был в казино? И даже выиграл?

– Представляешь, Полетт, мне сегодня подфартило. Мы играли в преферанс, и я выиграл! Только сел – и сразу же закончил пулю в большом плюсе.

Я практически не разбиралась в нюансах игры в преферанс. Но я порадовалась, что дед выиграл, иначе он снова расстроился бы, и у него опять могло прихватить сердце. Мы

сели пить чай. Дед хвастал своими успехами в азартных играх. Я сначала собиралась поставить его в известность о том, что я начала новое расследование, но он был такой счастливый, что мне не захотелось озадачивать его. Ладно, расскажу завтра. А сегодня пусть радуется, как ребенок.

Глава 4

Утром за завтраком Ариша опять начал исподволь прощупывать почву насчет моего нового знакомого журналиста. Я уже пожалела, что рассказала деду об Аркадии, теперь он будет каждый день справляться о нем. Я ответила, что вчера его не видела, зато побывала в модельном агентстве.

– Так, так, – оживился мой прародитель, – и как там обстановка?

Я во всех подробностях описала деду вчерашний вечер. Рассказала все – как взяла в редакции удостоверение, как загримировалась под девушку на фотографии и поехала в «Афродиту». Дед слушал меня очень внимательно.

– Значит, дамочки эти тебе не понравились? – спросил он.

– Не то что не понравились, по-моему, обе просто жутко вульгарные особы. Макияж, одежда, бижутерия – все настолько безвкусное, кричащее, что просто противно смотреть! Не знаю, как я вытерпела эту пытку. Между прочим, одна из них, Эвелина, сказала мне, что я не умею пользоваться косметикой.

Дед рассмеялся:

– Так и сказала?

– Да. Я, естественно, не обиделась. Если уж макияж, красовавшийся на ее лице, считается верхом совершенства, я согласна сойти за неумеху.

– А что ты собираешься делать сегодня? – спросил Ариша.

– Думаю позвонить Сергею Дмитриевичу и навести справки об этих подружках. Что-то их потрепанная внешность наводит меня на определенные мысли. Они утверждают, что в прошлом сами были моделями...

– Да? – удивился Ариша. – В какой, интересно, деревне? Закукуевке?

– Говорят, что в столице.

– Тогда – на каком вокзале?

– Да, на столичных моделях они явно не тянут. И для журналов мод их вряд ли снимали. Вот я и хочу узнать об их прошлом.

– Это хорошая мысль. А знаешь, Полетт, я как-то слышал от одного из приятелей, так, краем уха, что в это агентство наведываются некоторые особы, приближенные, так сказать, к милицейским постам.

– Так-так, и что? – заинтересовалась я.

– Ну, я не скажу, что туда ездит сам начальник нашей доблестной милиции, но кое-кто из его подчиненных...

– Дед, а кто именно, не знаешь?

– Нет, но, если тебе это надо...

– Дедуль, ты еще спрашиваешь! Конечно, надо. Узнай все, что можно, что вообще поговаривают в городе об этой «Афродите». А я позвоню сегодня Курбатову. Надо пощупать этих подружек на предмет их прошлого. Что-то мне сомнительно, чтобы они были когда-то моделями, да еще в столи-

це.

– Таких не берут в космонавты! – пропел дед.

– Вот именно. А еще мне надо бы сегодня найти Лиду Маслову. Это подружка погибшей Ады. Вчера в агентстве сказали, что она туда больше не ходит. Хотелось бы знать, почему?

После завтрака мы с Аришей разошлись по своим комнатам. В десять часов я набрала номер Курбатова.

– Сергей Дмитриевич? Здравствуйте. Это Полина Казакова.

– Здравствуй, Полина. Как дела?

– Нормально. Взялась тут за одно расследование. Кажется, позавчера вы говорили, что, если у меня будут вопросы, я могу обратиться к вам...

– Да, конечно, я всегда тебе помогу, чем смогу.

– Сергей Дмитриевич, меня интересует модельное агентство «Афродита», что на улице Мирной. Его организовали две подружки, Эвелина Венедиктовна и Рузанна Эдуардовна. Фамилий их, к сожалению, я не знаю. Агентство открылось полгода назад и уже снискало себе дурную славу.

– Ты хотела узнать что-то об этих женщинах? Как их?..

– Эвелина Венедиктовна и Рузанна Эдуардовна, – повторила я медленно, чтобы полковник успел записать.

– Хорошо, как только узнаю, перезвоню тебе.

– Спасибо, Сергей Дмитриевич.

Я положила трубку и села поразмышлять. Итак, мне надо

найти Лиду Маслову. Чувствую, что это очень ценный свидетель, она сама ходила в это агентство, причем с самого начала, дружила с Адой, да и других девочек она должна знать. Если ее выгнали из «Афродиты», значит, она обижена на Рузанну с Эвелиной. Так что Лида может многое рассказать, если, конечно, захочет. Надо, чтобы она захотела. Я не знаю, где обитает сама Лида, но зато я в курсе, где живет мать Ады Карповой. Значит, поеду к Нине Васильевне, благо ее адрес мне известен.

Через час моя машина остановилась у розовой «сталинки», куда позавчера я подвозила мою попутчицу с кладбища. В доме было только два подъезда. Это хорошо, долго искать не придется. Кажется, Нина тогда пошла к первому, хотя я и не была уверена в этом. Я вышла из машины и направилась к одиноко сидевшей на лавочке бабушке.

– Здравствуйте, – сказала я ей.

Та подняла голову и посмотрела на меня через очки:

– Здравствуй, деточка.

– Скажите, пожалуйста, Карпова Нина Васильевна живет в этом подъезде?

Бабушка радостно закивала головой, как будто я сообщила ей хорошую новость:

– В этом, в этом, деточка. В девятой квартире, это на третьем этаже. Как поднимешься, сразу налево.

Вот оно, самое лучшее справочное бюро! Так подробно

все объяснила, мне даже расспрашивать ее не пришлось. Наверное, бабушке скучно сидеть здесь одной, поговорить-то не с кем. Я поблагодарила словоохотливую старушку и уже хотела войти в подъезд, как та остановила меня:

– Зря туда идешь, деточка. Нины дома нет.

– Да? А где она?

– Так на работе! Эту неделю она на службе.

Я только открыла было рот, чтобы узнать место работы Нины, как бабушка снова опередила меня:

– Она вон в том магазине работает, через дорогу, и еще немного пройти в сторону базарчика. Видишь угол кирпичного дома? В нем на первом этаже два магазина – продовольственный и промтоварный. Нина работает в промтоварном, в секции женской одежды.

– Спасибо вам большое! – от души сказала я и двинулась в нужную сторону. Да, правильно говорят: болтун – находка для шпиона. В данном случае для меня.

В магазине народу было совсем мало. Да это и понятно – редко кто с утра пораньше бежит покупать одежду. В указанном бабушкой отделе Нина поправляла развешенные на кронштейнах платья и блузки. Около нее стояла пожилая женщина и, задрав голову, смотрела вверх.

– Вот то синее платье покажите, пожалуйста, – попросила она продавщицу.

Нина длинной палкой с крючком на конце подцепила пле-

чки, на которых висело синее с белым воротником платье, и сняла его. Женщина пошла в примерочную. Я приблизилась к Нине:

– Здравствуйте. Вы меня узнаете?

Она повернулась ко мне и тихо вскрикнула:

– Полина!

– Да, Нина Васильевна, это я.

– Ну что вы, какая я Нина Васильевна?! Зовите меня просто Нина.

– Хорошо, Нина.

– Полина, вы здесь... не случайно? Вы ведь не за одеждой пришли? – Женщина пытливо посмотрела мне в глаза.

Я окинула взглядом ряды платьев и блузок и честно призналась:

– Не за одеждой. Нина, мне надо поговорить с вами. А для начала я хочу вас спросить: вы знаете, где живет Лида Маслова?

– Лидуня? Конечно, они ведь с Адочкой девять лет дружат... дружили.

– Мне нужен ее адрес.

Нина внимательно посмотрела на меня:

– Я, конечно, скажу вам адрес, но... вам-то он зачем?

– Нина, понимаете, я...

В это время из примерочной вышла женщина с синим платьем в руках и капризно сказала:

– Девушка, мне это не подошло, дайте что-нибудь другое!

– Что конкретно вам дать?

– Да я не знаю, что-нибудь такое, что мне бы понравилось.

Мы с Ниной переглянулись. В ее глазах было недоумение, но я тоже затруднилась бы сказать, что может понравиться женщине далеко за пятьдесят с фигурой откормленного пингвина. Нина отошла с покупательницей, а мне пришлось некоторое время постоять одной. От нечего делать я рассматривала ассортимент одежды на вешалках. Когда покупательница снова нырнула в примерочную, Нина вернулась ко мне:

– Так зачем вам нужна Лидуня?

Мне пришлось рассказать Нине, что я начала расследование убийства ее дочери и побывала в агентстве и что Эвелина с Рузанной не вызвали у меня симпатии. Она слушала меня, и в глазах ее читалось недоумение:

– Простите, Полина, а вам-то зачем все это нужно?

– Знаете, Нина, у меня хобби такое: наказывать тех, кого нет возможности покарать по закону.

– И кого же вы хотите наказать?

– Настоящего убийцу и тех, кто способствовал гибели вашей дочери.

– И вы считаете это возможным? – Нина, казалось, крайне удивилась. – Мы со Львом где только не были, к кому только не обращались! Все говорили одно: все правильно, убийца сидит в СИЗО, идите домой и не мутите воду. И Льва избили именно за то, что он хотел установить правду, я уверена!

– Ну вот теперь и я хочу найти правду. Вы мне поможете?

– Вы еще спрашиваете?! Только... – Нина замялась. – С деньгами, боюсь, возможны проблемы. Мы ведь поиздержались. То похороны, то поминки... Теперь вот Лев и его мама в больнице, мне лекарства для них приходится покупать... А мужу вообще предстоит операция, и на все нужны деньги. Зарплата у меня не скоро, да и небольшая она. Так что я не знаю уже, у кого занимать...

– Деньги мне пока не требуются. Мало того, я думаю, это вам должны заплатить!

Нина посмотрела на меня не то удивленно, не то испуганно:

– Мне?! Кто?!

– Те, кто в ответе за смерть Ады. Это не должно сойти им с рук. Пусть ответят и заплатят за все!

В это время к Нине снова подошла назойливая покупательница:

– Девушка, это платье мне тоже не подошло. Вы опять мне дали не то, я же просила такое, чтобы мне понравилось, а вы такая непонятливая...

– Да идите вы!.. Ищите себе сами... что вам нужно.

– Что? Да вы как со мной разговариваете?! – Покупательница аж покраснела от возмущения. – Я на вас директору пожалуюсь!

– Директор вон за той дверью, – показала Нина.

Женщина ринулась скандалить, а я спросила:

– Нина, вы не боитесь, что вас уволят?

– Чего бояться? У меня зарплата – три тысячи в неделю. Работаю неделя через неделю. Вот и посчитайте. Есть за что держаться? Я так и так увольняться хотела.

В это время из двери с табличкой «Директор» появилась недовольная покупательница и еще одна молодая женщина. Они двинулись к нам.

Нина назвала мне адрес Лиды Масловой, и я ушла. Мне не хотелось становиться свидетельницей словесных баталий этого «пингвина» женского пола с Ниной.

Лида жила недалеко от Карповых, буквально в пяти минутах ходьбы. Это тоже была «сталинка», но чуть поновее. Шестиэтажный дом желтого цвета насчитывал три подъезда, под его окнами были разбиты палисадники с кустами сирени и клумбами.

На мой звонок открыла девочка лет пятнадцати, высокая, симпатичная, с темно-каштановыми волосами ниже плеч и большими карими глазами.

– Вам кого? – строго спросила она, окинув меня придиричивым взглядом.

– Мне Лиду Маслову.

– А зачем она вам?

По ее недовольному, с вызовом, тону я поняла, что именно она-то мне и нужна, но девочка явно очень не хотела, чтобы я об этом догадалась.

– Я вижу, Лида – это ты?

– И что? А вы сами кто будете?

Ершистая! Догадываюсь, что из агентства ее выпроваживали отнюдь не с овациями и оркестром, и пламенных речей, похоже, тоже никто в ее честь не произносил.

– Меня зовут Полина. Твой адрес мне дала Нина Васильевна Карпова. Знаешь такую?

– Допустим...

– Ну, если у нас имеется общая знакомая, может, ты все же пригласишь меня пройти? Нам надо поговорить. Тем более что я тебе тоже представилась.

– Но вы не сказали, кто вы!

Да, я этого не сказала. Молодец, девочка, бдительная.

– У меня частное сыскное агентство, – вымолвила я многозначительно.

Лида отступила в глубь прихожей, давая мне пройти.

Пять минут спустя мы сидели у нее на кухне и пили чай.

– Лида, для начала я хочу знать: как получилось, что ты ушла из агентства? Ты ведь ходила туда буквально со дня его открытия? – спросила я.

Девочка кивнула:

– Не я одна. Мы с Адой вместе пришли. Да, в первые же дни. Я в газете случайно заметку прочитала: открывается модельное агентство на улице такой-то, будут набирать девочек пятнадцати-шестнадцати лет, с хорошими внешними данными. Запись там-то, с трех до семи вечера. Я Аду-

не сразу сказала: «Пошли! Такой шанс!» Модели ведь бешеные деньги получают. У них контракты миллионные, я сама об этом в одном журнале читала. Ну, мы и поехали после школы. А там такая очередь! Час мы с Адой простояли, наверное, прежде чем к столу подошли. Эвелина Венедиктовна, помню, тогда за столом сидела. Окинула нас беглым взглядом, записала фамилии, сказала, какого числа приходиться. Еще она нас предупредила, что, мол, нам купальники надо будет с собой взять и туфли на самом высоком каблуке.

– Так смотрины не в тот же день состоялись? – спросила я, потягивая чаек.

– Что вы! Недели две они только желающих записывали, а отбор уже потом начался. В назначенный день мы с Адуней пришли после школы в агентство. Купальники и туфли с собой взяли. Нам показали комнату, где можно было переодеться. Мы надели купальные костюмы, вышли в зал. Это комната большая, где мы отрабатывали технику ходьбы. Выходили по пять человек разом. – Лида перевела дыхание. – Рузанна с Эвелиной в креслах сидели. Музыка включили, говорят, девочки, походите, мол, по залу. Мы ходим туда-сюда. Рузанна кричит: «Эй, курицы, вы что так топчетесь?! Ну-ка, покажите, как вы умеете двигаться! Танцуйте!» Мы под музыку потанцевали, кто как мог. Двух девочек сразу выгнали, с оставшимися тремя – со мной, Адой и еще одной девочкой – еще немного поговорили. Спросили, кто наши родители, как мы учимся, почему хотим быть моделями, что мы готовы

сделать для того, чтобы добиться исполнения своей мечты, ну и все в этом духе. Потом нам сказали, какого числа приходить. Вот тогда-то и начались занятия.

– Сколько всего отобрали девочек? – спросила я.

– Пятьдесят человек. Нас разбили на две группы. Мы с Адой попали в первую. Наша группа занималась по понедельникам, средам и пятницам. А вторая – по вторникам, четвергам и субботам. В каждой группе – по двадцать пять человек.

– Так много?

– Да. Только так было лишь с самого начала. А потом потихоньку некоторые девочки стали отсеиваться...

– Почему? – удивилась я. – Что-то кого-то не устраивало?

– Да... Поначалу так прикольно было! Я не сразу поняла, что не все с этим агентством так уж хорошо.

– А что конкретно было не так?

– Ну, знаете... Во-первых, Эвелина Венедиктовна – еще туда-сюда, а вот Рузанна Эдуардовна такая злая! Постоянно кричала на нас. То говорила, что мы ходим, как стадо беременных бегемотов, то... извините, задницы у нас такие, что скоро в дверь не пролезут, ну и все в этом духе.

Я вспомнила расплывшуюся фигуру Рузанны Эдуардовны, ее вульгарное влияние бедрами. Как говорится, уж чья бы корова мычала! Значит, ей можно, а другим нельзя! Интересная логика. А я думала, что в модельных агентствах преподаватели сами должны быть эталоном, образцом для

своих учениц.

– Лида, а что еще было не так?

– Эвелина Венедиктовна часто повторяла нам, что настоящая модель пойдет на все, чтобы занять на конкурсе первое место. Что каждая девушка должна стремиться быть первой. «Быть второй – просто непозволительно!» – заявляла она.

Я тогда еще не понимала значения этих слов. А Эвелина специально проверяла нас, на что мы готовы ради карьеры модели. Она постоянно говорила кому-то: «Тебе надо похудеть на два килограмма». Девчонка садилась на строгую диету, а Эвелина проверяла каждое занятие, сколько она сбросила. Если убавление веса шло медленно, Эвелина приказывала: «Два дня не ешь вообще ничего, только пей чистую воду, поняла?» Дома родители ругаются, что мы ничего не едим, худые, как швабры, – а в агентстве Эвелина с Рузанной ругаются, что мы толстые, как коровы. Один раз они ко мне прицепились, что у меня полтора килограмма лишнего веса. К следующему занятию, мол, срочно сбрось. Я два дня просидела на одном чае, но потеряла только полкило. Рузанна разоралась так, как будто случилась катастрофа вселенского масштаба! «Ты, – говорит, – каких-то несчастных полтора килограмма не можешь сбросить, а другие ради карьеры модели из дома бегут, как Ломоносов!» Мы с девчонками смеемся: при чем здесь Ломоносов? Он что, тоже моделью хотел заделаться? А Рузанна говорит: «Что ржете, дурочки?! Ломоносов, чтобы ученым стать, из дома ушел пешком в Ле-

нинград, потому что у него денег на поезд не было!» Тут уж мы просто легли от смеха. Потом в раздевалке Гуля Мустафина – есть там одна татарочка черненькая – говорит: «Девочки, да она же элементарно неграмотная! Она в школе, наверное, двоечницей была».

Я вспомнила, как сказала Эвелине про французский журнал мод «Пур тужур». Она это проглотила. Значит, во французском она – ноль, иначе поинтересовалась бы, как может журнал мод называться «Навсегда». Да и нет во Франции печатного издания с таким названием!

Между тем Лида продолжала:

– Приближался конкурс красоты. Эвелина нам все уши об этом прожужжала. Все внушала нам, что ради первого места каждая из нас должна быть готова на некоторые жертвы. Мы все голову ломали: что же это за жертвы такие? Ну, похудеть – это понятно, худеть она заставляла практически всех. А что еще?

Один раз она вызвала меня к себе в кабинет, дверь закрыла поплотнее и стала так, издалека, напевать о том, что для победы в конкурсе мы должны... Ну, в общем, старая песня! Я слушаю, киваю, а сама не могу понять – чего же конкретно она от меня хочет? Потом она вкрадчивым таким голоском сказала, что один человек, который будет сидеть в жюри и чье слово имеет большой вес, желает отдохнуть на природе, поскольку он очень занятой человек, занимает какой-то важный пост и так далее... В общем, наплела что-то

с три короба. А в конце спрашивает так ласково – готова ли я скрасить отдых этого человека? Я, как дура, стою, глазами хлопаю, понять не могу, чего она от меня-то хочет! Ну, решил человек отдохнуть, и пусть себе отдыхает хоть до посинения! А она мне опять говорит: «Ты что, Маслова, не понимаешь, о чем я тебя спрашиваю?» Я говорю: нет. Она и так глазами стреляет, и эдак и вдруг напрямую спрашивает: «Ты поедешь с ним за город на его дачу?» А я ее спрашиваю: кто еще поедет с нами? Она мне: «Его охрана». Тут наконец до меня доходит, ЧТО мне предлагают! Я растерялась, нет, говорю, меня родители не отпустят. А она опять стала что-то плести про готовность модели на все ради карьеры... Но я все равно отказалась и ушла.

– Ты кому-нибудь рассказала об этом? – спросила я.

– Сказала, конечно. Адуне. Она – моя лучшая подруга. Мы с ней всегда делимся.

– А Ада что?

– Ада сначала мне не поверила. Ты, говорит, Лидуня, что-то не так поняла. Не могла Эвелина тебе такого предложить! Я настаивать не стала, мне самой, честно говоря, не верилось в то, что я услышала от директрисы. А потом у нас пропала одна девочка, Таня Беляева. На одном занятии ее нет, на другом... И, главное, Эвелина даже не интересуется, почему она не ходит. А я знаю, где Танька живет. Мы в одной школе учимся, в параллельных классах. Мы с Адой после уроков пошли к ней домой, хотели поведать ее, узнать, может, она

болеет? А бабушка ее сказала, что Танька уехала с классом на несколько дней в столицу. Взяла деньги, тысячу рублей, и уехала. Мы с Адой опешили: никто из их класса никуда не ездил, всех в школе мы видим на переменах! Да и не слышали мы, чтобы набирали группу для поездки в Москву. В общем, мы поняли, что здесь что-то не то. Куда-то Беляева делась!

– Ну, и что потом, нашлась она? – не утерпела я.

– Нашлась, – усмехнулась Лида, – через несколько дней появилась. Когда я ее увидела, просто обалдела: на Таньке была новая куртка, такая навороченная – просто отпад! Джинсы – настоящие штатовские, не китайское шмотье. В общем, одета она – супер! Идет по проспекту, походка – «плевать на всех». Я мимо нее прошла, а она меня даже не заметила, ни на кого не смотрит, вся в себе. Вечером Таня на занятия в агентство пришла, держится так же, нос задирает. Мы с Адой пошептались и решили, что у нее бойфренд крутой завелся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.